

И. Сотников

Напасть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Сотников

Напасть

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сотников И.

Напасть / И. Сотников — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Сложно не верить своим глазам, но ещё безрадостнее верить им. Тот ли мир ты увидишь после того, как закроешь даже на миг свои глаза, или же он предстанет перед тобой совершенно иным? Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Точка отсчёта

В одном из пивного типа ресторанов, оставшись один на один со своими мыслями (все ушли на танцевальное поле боя), уставившись в бокал стоящего перед ним пива, плевать на всех хотел, но только не в пиво, сидит обычный человек Фома.

– Ты, когда уходишь в себя, то всегда ли можешь отличить, говоришь ли вслух или про себя? – вдруг сквозь музыкальную шумность бара прорезался голос незнакомца, который и вывел из себя Фому.

– А ты, кто? – Фома с удивлением воззрился на сидящую по другую сторону стола, непонятно откуда появившуюся фигуру незнакомца, который из-за скудности барного освещения, был едва ему различим.

– А разве это важно? – наглость незнакомца, видимо не знает пределов, раз он, усевшись за занятый столик, ещё задает такие дерзкие вопросы.

– Мне, конечно, по хрен, но если меня не то что не игнорируют, а в некотором роде даже задевают, то хотелось бы знать. А с какой это стати, ко мне возник такой интерес? – с расстановкой акцентов ответил Фома, после чего слегка придвинулся к столу для того чтобы попробовать рассмотреть эту наглую рожу.

– А разве ты кому то интересен, кроме себя? – незнакомец, хоть и незаметно, но явственно для Фомы, ухмыляется и однозначно переходит все рамки приличий.

– Ну ты, я смотрю, наглец. – Фома наконец-то решает указать незнакомцу на подобающее ему место.

– Ну, не больше твоего, – теперь уже открыто хмыкнув, незнакомец так и лезет на рожон. Но Фома, отпив приличный глоток пива, даёт ему ещё один шанс на исправление. – Ладно, буду иметь в виду. – Фома сделал паузу на дополнительное полоскание своего горла. – Так может быть, тебе уже пора представиться? – задал вопрос незнакомцу Фома.

– Ладно, я не буду ворошить время, в попытке уточнить эту временную точность – пора, и на твоё усмотрение представляюсь. – Видимо, без всяких туманных предисловий, этот незнакомец своей жизни не смыслит.

– Если уж я сказал «А», то пусть я и буду «Аз», – несколько смутил своим представлением Фому незнакомец.

– Нет уж, не надо мне тут придуриваться, а говори, как оно есть на самом деле! – удивлённый таким придурковатым поведением незнакомца, Фома даже не сумел рассердиться на его неловкие уходы от вопроса.

– А ты сам-то знаешь, что такое есть на самом деле? – незнакомец, по всей видимости, и вправду не того, раз так и нарывается на зубодробительный ответ, который как вариант, наконец-то предложил Фома. – Сейчас я тебе врежу кулаком в лоб, и ты со всей очевидностью сам дашь мне ответ, что есть на самом деле.

– Что ж, не могу не согласиться с такой интерпретацией «на самом деле», – незнакомец, видимо, не спешивший ознакомиться с этой данностью реалий мира, немного отодвинулся от стола.

– Ну, так что? – Фома, взяв инициативу в свои руки, стал более требовательным к незнакомцу.

– Ну, тогда, можешь меня звать Андреем... Первозванным. – Видимо, Фома поспешил на счёт незнакомца, которого, по всей видимости, так просто не успокоишь.

– А не много ли ты на себя берешь? – всё же улыбнулся Фома. На что незнакомец, вновь пододвинувшись вперёд к столу, заявил:

– Я же тебе уже говорил, что, во-первых, ты не меньше моего берёшь, ну а во-вторых, ты сам считаешь, что больше твоего никто и не сможет взять.

– Да откуда ты такой взялся? – Фома уже не сдержался и эмоционально выплеснул из себя этот вопрос.

– Да кто, знает. Может я как-то зашёл в ту ведущую в бар дверь и попал сюда, а может, я наоборот, не заходил, а уже был здесь. – Незнакомец сделал паузу для раздумья и, что-то там надумав, продолжил: – А может меня и вовсе не существует.

– Чё за бред?! – Фома, конечно, любит всякую таинственность, но только в кино, а не так, прямо ему в лицо сидеть и нести всякую чушь.

– Бред, не бред... а хочешь, я тебе сейчас покажу, что такое бред на самом деле? – серьёзность незнакомца начинала пугать Фому.

– Зачем это? – стиснул зубы в ответ Фома.

– Ты же меня уже убедил в своей интерпретации, что такое есть на самом деле. Так почему бы тебе не дать мне шанс показать своё видение этой реальности? – незнакомец был предельно логичен.

– Валяй, – только и махнул в ответ Фома, чувствуя, что того не переспорить.

– Тогда на мгновение закрой глаза, и ты всё увидишь, – как-то очень вкрадчиво проговорил незнакомец.

– Чего я ещё не видел? – чувствуя какой-то подвох, Фома, боясь, как бы этот чудик не укусил его за нос, ушёл в отказ.

– Ту часть бреда, в котором я на самом деле не существую, и в любой момент могу исчезнуть. – Как-то уж слишком замысловаты слова этого незнакомца.

– А это мне надо? – Фома был всё-таки немало упёрт.

– Ну смотри, дело твоё. Но пока ты глаза не закроешь, ты не сможешь проверить, что же я несу. – Всё же незнакомец был убедителен, и Фома ещё раз внимательно взгляделся в этого, чёрт знает кто такого, и со словами: «Ну, ладно. Может, ты наконец-то избавишь меня от своего присутствия», – почему-то используя свои руки, закрыл глаза.

– Ну, вот видишь, ничего страшного не случилось. – После этого мгновения невидимости, которое, как показалось Фоме, длилось обозначенную его сознанием вечность, до него донёсся голос опять незримо улыбающегося незнакомца.

– Ну и что ты хотел этим доказать? – не слишком веря в такую лёгкую перспективу сдачи позиций, Фома пытался разобраться, что к чему.

– А что не понятно-то? – опять ухмыльнулся незнакомец. – Раз ты на мгновение поверил в моё исчезновение, то значит и любой, даже самый фантастический вариант моего появления здесь, имеет своё мгновенное право на существование.

Незнакомец всё-таки достал Фому.

– Хотя, интересно, почему ты считаешь, что исчезновение не произошло? – вновь ухмыльнулся незнакомец. – Ведь, возможно, ты, закрыв глаза, вместе со мной исчез из той, на самом деле одной видимой реальности, и теперь, после того как их открыл, уже находишься в другой, тоже на самом деле, но только уже в иной видимой реальности. – Высказывания незнакомца всё больше выдавали в нём безумца.

– Чушь, – только и ответил Фома.

– Бред, чушь – только и слышу от тебя. А между тем, ты даже не попытался внимательно оглядеться, и убедиться в том, что ничего не изменилось.

Его горячность заставила Фому посмотреть по сторонам, где в неизменившихся стенах, кажется, всё также веселиться и танцует присутствующая здесь публика.

– Ну что, убедился? – спросил незнакомец повернувшегося обратно Фому.

– Убедился. Что ты трепло, и чёрт знает кто ещё. – У Фомы, уже не нашлось ясных определений для этого, нет слов, кто такого.

– И я тоже убедился в том, что ты дальше своего носа ничего не желаешь видеть, – незнакомец постепенно начинал заводиться. – Как вложили в вас определенные установки, так с этим и живете, не пытаясь вникнуть в суть происходящего, изменчивость которого, видится вам только через внешний, по сути, завершающий весь процесс, фактор изменений! – уже чуть ли не заорал на Фому незнакомец.

– Да кто ты такой? – в ответ незнакомцу сам почти прокричал выведенный из себя Фома, угрожающе хватая бокал с пивом.

– Хочешь узнать, кто я такой? Тогда сделай то, что ты хочешь сделать, – незнакомец начал провоцировать Фому на действия.

– Нет уж, я не такой, – видя, чего от него добиваются, Фома сдержал себя.

– А какой – такой? – смеется незнакомец. – Чем ты лучше других? Да что там других, когда даже между нами, здесь, в этом слабоосвещенном месте, трудно найти отличия. А может ты лучше своих друзей? – издевательски засмеялся незнакомец. – Так посмотри на них ещё раз со стороны, и задай себе вопрос: хороший ли ты для них друг, если, конечно, ты можешь называть себя их другом.

– А это не твоё дело! – орёт в ответ Фома, который, впрочем, вновь действует по указке незнакомца, и смотрит в ту сторону, где, по его мнению, должны танцевать друзья.

– Ну что, увидел? – как-то хитро блестя глаза незнакомца.

– Увидел, – врёт Фома, которому было весьма сложно разглядеть в этой тёмной слившейся массе знакомые лица.

– То, что реальность неразличима? – голос незнакомца постепенно сводит Фому с ума.

– Чего ты от меня хочешь? – Фома, уставившись на незнакомца, почему то заставляет себя сдержаться.

– Это я чего-то хочу? Ха-ха-ха! – дикость смеха незнакомца переводит Фому из состояния алкогольной нетрезвости в гневное помешательство. – Лучше попрощайся со своими друзьями, которых ты неразлично видел, или же различимо не увидел, – гнёт свою линию незнакомец, явно пытаясь вывести Фому из себя.

– Ты не заставишь меня сделать то, чего ты хочешь, – глаза Фомы налились кровью, и он, в ответ на эти однозначно провокационные слова незнакомца, скрепя зубами и, сжав бокал до степени обеления костяшек пальцев, как мантру твердит эти слова.

– А впрочем, не важно, что ты видишь, – незнакомец, неожиданно вздохнув, вновь удивил Фому этой своей резкой изменчивой метаморфозой. – Либо ты себя обманываешь в своём представлении реальности, либо же реальность обманывает тебя, представляясь такой. И здесь, можно сказать, нет большой разницы, и только твой выбор видения позволяет тебе выбрать между существованием и жизнью. И вот это-то и есть твоё «на самом деле», – незнакомец вновь делает вдумчивую паузу, – Впрочем, ты уже ничего не исправишь, и тебе только и остается как, на... – незнакомец вдруг резко вскакивает со своего места, и выплескивает в лицо Фомы содержимое непонятно откуда взявшегося у него бокала. Фома же, в свою очередь, зажмурившись от этого всплеска активности незнакомца, уже со своей стороны, чисто рефлекторно выплескивает содержимое собственного бокала в сторону незнакомца.

– Ах ты, бл*ть! – к удивлению Фомы, первой реакцией на его метательные движения стала изменившаяся интонация голоса незнакомца, причиной чего, как выяснилось спустя мгновение, послужило то, что на месте незнакомца уже никого не было, а звук голоса донёсся с другой стороны дивана, который находился в совмещенной с ними кабинке. Куда, вероятнее всего, Фома и выплеснул содержимое бокала. Но Фому мало интересовали обстоятельства дел за той стороной дивана. На этот раз его больше волновало то, куда собственно так слишком незаметно, или крайне заметно, исчез незнакомец.

– Тьфу. Я уже стал рассуждать как он, – передёрнуло Фому.

– Ну и кто тут покойник? – в окружении кодлы своих приятелей, задержавшись на неприлично долгое время, потраченное на осознание случившегося, а также, на сборы своих растележенных костей, где ребром встал вопрос: «А не трусливые ли они, часом, псы?», наконец-то появился весь татуированный, смахивающий своим прикидом на байкера, обладатель этого рассерженного хриплого голоса.

– Ну, судя по тому, что ты это спросил, ты не питаешь на счёт себя особых иллюзий, и оставляешь этот вопрос открытым, – после небольшой паузы, Фома, приподняв голову, на мгновение удержал в устойчиво открытом состоянии рты всех зашедших сюда – всё-таки, наверное, плесень моторную отдела маркетинга какого-нибудь автосалона.

– Он чё, бессмертный что ли? – придя в себя после первого эмоционального шока, как по написанному кем-то в сценарии, ища поддержки у своей компании, выразил беспокойство за Фому, а также за себя, вожак этой стаи. Но Фома не собирается не только что-то объяснять, но и рассказывать о себе всем кому попало. И ему также не нужно особое зрение, чтобы увидеть, что под этим грозным татуированным видом каких-то там дьяволов воплоти, скрывается прибитый офисной работой планктон. Который изредка, по выходным, вырываясь на свободу, переодевается в эту отвязность и, наливаясь алкоголем по самое не хочу, пытается соответствовать своему отвязанному имиджу. Так что, у Фомы особого выбора не было. Только ярко лишив эту кодлу своего вожака, можно было с минимальными потерями, как для себя, так, пускай и для них, вернуть их обратно в своё офисное стойло.

– Закрой пасть! – рёв Фомы заглушает шум музыки, а последующий за ним резкий удар в лоб вожаку, позволяет тому очень эффектно скопытиться с ног, погрузив вместе с собой в небытие зала, так и своё собственное, часть непредусмотрительно занявших позицию позади этого тату вожака и его корешей. И, наверное, на этом можно было бы ставить жирную точку, но, видимо, Фома всё же просчитался, не учтя степень нагруженности этой приятельской кодлы, где скорее не храбрость, а их заторможенность, решала всё за них, решивших не отступать со своих позиций. Так что необходимость выбить дурь из их голов, со всей своей нестерпимостью, непреложной задачей прямо сейчас встала перед Фомой.

Что ж, если хрусталь или же просто стекло бьётся о чей-то лоб, то значит это кому-то нужно. Так очкарик, привыкший видеть мир сквозь своё технически близкое к его глазам стекло, после того, как торпеда с пивом обрушилась на его голову, залив его с ног до головы, наконец-то, смог получить возможность увидеть мир во всех его красках, которые лучше всего видятся в его лежащем положении, откуда открываются такие виды, которые до этого существовали только в бурной фантазии этого юнца.

Если брызги крови, вместе со слипшимся потом обрекают вас на выразительность вида, то это, наверное, предусмотрено природой, как реакция на спонтанную вашу близость к разности подходов по тому или иному вопросу, которые обязательно ведут к соприкосновениям ваших крайностей, которые без того жить не могут, чтобы чем-нибудь вас не задеть. И вы правым хуком стараетесь доказать свою правоту вон тому типу, имеющему своё отличное от вас мнение, и отвечающего на ваш правый выпад своим левым. После чего, не гнушаясь копиястой, он со своей стороны делает такой же опасный для вашей челюсти правый выпад. Но вы, как первый применивший этот контраргумент, знаете, чего ожидает от вас оппонент, и поэтому, вместо того чтобы уйти влево, заблаговременно применяете свою ногу. Наскочив на которую, он, своим, не выставляемым наперёд, но почему-то всегда оказывающемся в авангарде нападения местом, завывает от боли. После чего вам только и остаётся, как боковым ударом заткнуть пасть этого нытика.

Если мебель проверяется на прочность человеческим материалом, то значит, имеются свои материальные претензии, как к тому, так и к этому древесному материалу – скамейка, переломанная надвое об хребет этого лба, ещё раз заставила Фому убедиться в том, что этого дуба так просто не возьмешь на излом.

Если на телах соперников рвутся рубашки, то значит, что уже твоя рубашка не настолько ближе к твоему телу, и пожалуй, ты не прочь сорвать любую рубашку с чужого плеча.

И если свет тебе не мил, то значит свинцовая тяжесть после удачно пропущенного удара от этого дуба, уже навалилась тебе на веки и вместе с телом погружает тебя куда-нибудь, к примеру, под стол.

– Фома, теперь всё. Можешь открыть глаза. – Чьи-то руки отнимают прижатые к глазам руки Фомы, до сознания которого сквозь туман неизвестности доносится чей-то женский голос.

Глава 2

Где-то около того. Кто рано встает, тому случай подает.

– Судя по тому, что вы, дамочка, не вняв голосу разума, решили срезать в этом безлюдном месте угол, можно сделать вывод, что вы очень спешите. Так что давайте не будем отклоняться от выстроенного вами курса, и тем же темпом избавимся от отягощающих вас вещей. – Данила не упустит возможность продемонстрировать свои знания в области логики, которые, следуя этой дисциплине, всегда подкреплены очень существенным аргументом в виде ножа.

Но то ли дамочка попалась не слишком понятливая, то ли Данила не был слишком убедителен, но так или иначе, а времени на поминутный разбор не было, и Данила, применив свой кулак, очень доходчиво и существенно для глаза дамочки, а также для своей убедительности, решает возникшее затруднение в понимании дамочкой того, что Данила шутить не будет. После чего происходит спешный размен, в котором отягощенность в виде кошелька в довеске с телефоном, переходит в руки Данилы, который таким не слишком хитрым способом, избавляет дамочку от бремени затратных забот владения наличностью, которая, почувствовав эту облегченность, тут же, как стрекоза уносится отсюда прочь.

Данила же, в свою очередь, как человек несильно спешащий, даже не смотря на обстоятельства требующие незамедлительности, решает ознакомиться с этим грузом ответственности, перешедшим в его руки. А как иначе, он же должен знать, на что шёл, хотя он как знаток уголовного кодекса, это, конечно же, знает. В общем, его всегда волнует соответствие проявленного риска, и того количества шампанского, который он подразумевает.

– Данила. А ты всё в том же духе. – Раздавшийся из-за спины Данилы голос, не только не дал возможности тому со всей обстоятельностью ознакомиться с содержимым кошелька, но и более того, заставил его, сопроводив своё недовольство угрожающей фразой: «Что за на...», – обернуться, чтобы посмотреть, кто там такой крикливый.

– А ты, я смотрю, всё так же без оглядки на последствия своих действий, занимаешься логикой, – обломок кирпича в руках говорящего придавал весомость его словам.

– Это, что-то новенькое, – заметив ручную весомость в руках хмыря, Данила даже несколько развеселился.

– Всё новенькое, это хорошо забытое старенькое. И разве не тебе об этом не знать, – в свою очередь ухмыльнулся этот, кого-то ему напоминающий, незнакомец. – А ты, я смотрю, уже продал свой кирпич и прикупил, что полегче.

– Да, годы берут своё. – Данила внимательно изучает все возможности ухода, или же какого-нибудь другого бокового межреберного решения для выхода из этого тупика.

– Ну, ты, тогда знаешь, что твоё оружие, хоть и многоцелевое, но всё же твоя шрапнель ничего не сможет сделать против моей картечи. Так что давай, облегчайся. – Незнакомец постепенно, небольшими шажками приблизился к Даниле, и уже последнюю свою фразу завершил в очень приказном ключе.

– Да пошёл ты на... – но уточняющая мощь кирпича воткнула обратно в рот Даниле эти однозначно неприличные, хотя, возможно и приличествующие к месту, полные эмоциональ-

ного отторжения его слова. Которые, прихватив с собой кусочки выбитых зубов, вперемешку с кусками кирпича, заполнив его рот на время его падучей невменяемости, запечатали его такую всегда интересную словесность. И ведь всё логично, раз сам Данила всегда настаивал на этом. Так он, столкнувшись с существенным контраргументом, сам того не заметив, скопившись после точного попадания кирпичом в свою физиономию, и оказавшись вне доступа к своим рефлексам, только и мог, что булькая кровью по возможности вдыхать в себя воздух.

– А я ведь предупреждал, – незнакомец, подойдя к Даниле, внимательно изучил все последствия его упорства. – Да, теперь понятно, что значит рожа кирпичом, – ухмыльнулся незнакомец, после чего подняв с земли причину возникшей ситуации – кошелек со своим довеском, положил всё это в карман, и хотел уже было оставить Данилу наедине со своими мыслями, как заметив отлетевший в сторону кустов, стальной аргумент Данилы, нож, подошёл к нему, и, подняв, принялся внимательно изучать.

– Не перестаешь ты меня удивлять, Данила, своей тягой к броскости, – ухмыльнулся незнакомец, рассматривая оригинальность этого колюще-режущего предмета. – И как, объясни мне, понимать это, – прочитав гравировку на ручке ножа: «Братану», – незнакомец всё больше ухмыляется.

– Хотя подожди, не спеши отвечать, – незнакомец и вовсе издевается над Данилой, который не то что не спешит ответить, и ему даже не дают это сделать, и всё в точности до наоборот, и он даже и не думает, потому что не может, имея на то очень уважительную причину – полный рот осколков зубов, вперемешку с песком. Да к тому же и его бессознательность не слишком способствует всякому диалогу.

– Братану. Ха-ха. И что это значит? – продолжает издеваться незнакомец, стоя над Данилой. – То, что ты, сунув его кому-нибудь под ребро, тем самым его уважишь, что ли? – слишком далёк этот незнакомец от логического Данилиного понимания жизни, и будь тот в состоянии, то уж он ему объяснил бы. Но незнакомцу никто ничего не объяснил, и тот, решив, что, пожалуй, будет лучше, если он это оружие попридержит у себя, а то мало ли кому оно попадет в недобрые руки, после чего уже аккуратно убирает его себе в карман. Ну и затем, развернувшись, не спеша, как рекомендовал Данила, насвистывая, отправляется по этой тенистой аллее, куда-то туда, вперёд. Где он, возможно, найдёт для своего развлечения ещё один кирпич, хотя, возможно, он, имея в кармане кошелек, на сегодня уже ограничится и этой добавкой к своему костюму.

Но как бы там ни было, и что бы там кто-то чего не надумал, а незнакомец, преодолев пару кварталов всё в той же тени деревьев, наконец-то выйдя на более-менее оживленную улицу, огляделся по сторонам, и, видимо, обнаружив то, что искал, направился прямо к припаркованному у обочины дороги, очень ему знакомому автомобилю, который из-за рекламной надписи «Калейдоскоп» на дверях, трудно было с чем перепутать.

– По довольной роже вижу, что ты прогулялся не за зря, – сидящий за рулем тип, таким образом поприветствовал ухмыляющегося незнакомца, забравшегося в салон автомобиля.

– Есть немного. – Вытащив из кармана кошелек, незнакомец принялся изучать весьма немалое содержимое этого носителя наличности. – Ха, на резиночке, смотри, – показывая скрученные и обмотанные резинкой купюры, улыбнулся незнакомец.

– А не надоело тебе размениваться на все эти мелочи? – как-то не слишком заинтересованно задаётся вопросом, сидящий за рулём тип.

– А я тебе скажу так, – переложив наличность из кошелька в свою денежную карманную приложность, заявил незнакомец, повернувшись к типу за рулём. – Вся эта мелкая случайность только придает вес случаю. Без которого, сам знаешь что.

– Так ты, я смотрю, кошелек и не собираешься возвращать правообладателю? – глядя на пустой кошелек в руках незнакомца, сделал вывод тип за рулём.

– Знаешь, я благотворительностью не занимаюсь. Моё дело, дать возможность, если не сейчас, то на будущее, сохранить то, что есть, а уж приумножить – это их забота. Да впрочем, ты же знаешь, что всё возвращается на круги своя.

Незнакомец посмотрел на кошелек и, открыв окно, выбросил его. Затем достал телефон, посмотрел на него и, покачив головой, заявил: – Вот же ловкач. Уже успел его выключить.

– И что с ним будешь делать? – спросил незнакомца тип за рулем.

– А вот его-то я верну, – незнакомец как-то даже бережно посмотрел в тёмное отражение экрана телефона. – Тем более, его хозяйка заслуживает пристального к себе внимания, – на слове «пристальный», незнакомец пристально взгляделся в своё отражение на экране телефона и, подмигнув себе, заулыбался.

– Чего лыбишься? – После чего, наступила небольшая задумчивая пауза, приведшая к раскрытию рта, видимо, более болтливого, чем незнакомец, типа за рулём. – Ну так что будем делать, а?

– Хорош, акать, – на незнакомца нашла какая-то весёлость.

– А тебе лишь бы букать, – не понятно что нашёл смешного тип за рулём, но тем не менее, незнакомцу это показалось смешным, и он с удовольствием присоединился к типу за рулём и очень весело засмеялся.

– Кстати, – просмеявшись, завёл речь тип за рулём, – А вчерашний клиент, услышав моё имя, скажу так, не выразил большого воодушевления, – обратился к незнакомцу тип за рулём со странным именем Аз.

– Выходит, ему и моё не понравится, – хитро улыбнулся незнакомец, выбравший себе смурое окончательное имя Бу.

– Ага, – своё не сомневайся высказал Аз.

– Ну, и что ты ему предложил? – заинтересовался Бу.

– Говорю ему: можешь звать меня Андреем... Первозванным, – не менее хитро посмотрел Аз на Бу, который, видимо, впечатленный этим заявлением своего товарища, призадумался, и после небольшой паузы ответил: – Я, конечно, не ожидал такого, но спасибо за упоминание моей первичности.

После чего наступает новая задумчивая пауза, в течение которой оба пассажира автомобиля без всякого умысла внимательно наблюдают за перемещениями нетрезвого гражданина, который, видимо, настолько удачно вчера погулял, что и сегодняшним утром разил от себя таким весельем, которое не давало ему порядка в перестроении ног.

– Ну а появление в столь раннее время нетрезвого гражданина, однозначно не по своей воле, а посланного, как своими товарищами по несчастью или же своим внутренним побуждением, требующим добавки, я как-то ещё понимаю, – наблюдая за нетрезвым гражданином, принялся анализировать свою видимость незнакомец с не то что звучным, а несколько даже занудным именем Бу.

– Но вот выход в свет в это время тружеников его величества милостивого труда, мне, кажется, несколько преждевременным, – эти слова незнакомца уже относились к стоящему у парадета магазина и ожидающего милости прохожих мнимого инвалида.

– Ну, ты как всегда в своём репертуаре. Тебе только дай понаблюдать, и сделать свои выводы, – усмехнулся Аз.

– А знаешь, – совсем не обиделся Бу, – Я тут наблюдая за летним запустением нашего спортивного зала, и на то, как не находя себя слоняется по залу тренер, пришёл к одному выводу: Так, наверное, и там, на небесах, слоняются от безделья местные инструкторы по вере и правде, когда начинается сезон отпусков человеков в жизнь.

– А ты что, на небесах был? – выявляя своё пренебрежение к этим философствованиям Бу, ухмыляется Аз.

– Да, нет. Просто заскучал я, – с какой-то смертельной скукой вздохнул Бу.

– Ну, тогда, может развеемся сегодня? – предложил Аз.

– А почему бы и нет. – Бу, имеющий быстро переменчивый характер, уже вновь горит деятельностью. – Что там у нас сегодня, по плану? – повернувшись к Азу, спросил его Бу.

– А сегодня у нас, – достав из кармана органайзер, принялся искать эти планы на сегодня Аз, – групповая неудовлетворённость в поисках зависимости.

Прочитав запись в книжке, Аз с улыбкой посмотрел на Бу, который, между тем, не выразив такого воодушевления, только и высказал своё отношение: «Скукота».

– Ну, тебе не угодишь, – убирая книгу обратно в карман, недовольно ответил Аз.

– Ну ладно, чего ты, – неожиданно хлопнул в ладоши Бу. – Давай всё по-быстрому оформим, а затем, напоследок закатим то, чего душа пожелает.

– А почему напоследок? – как всегда проявил внимательность к словам Аз.

– Да не обращай внимания, я так, для оборота речи. – У Бу, видимо, в предвкушении этого закатим, уже загорелись глаза.

– А ты откуда взялся такой хороший? – заметив подбежавшего к машине шелудивого пса, Бу, испытывая к различным четвероногим явно чрезмерную страсть, не смог удержаться и, выйдя из машины, принялся обглаживать это грязное чудо-юдо.

– А где ты собираешься мыть руки? – вышедший вслед из машины Аз, видя эту картину, озабочился не о здоровье своего товарища, а скорее эгоистично выказал близость этого четырехколесного железа к себе.

– А мы сейчас зайдём в магазин, и там... – направление взгляда Бу вело в сторону магазина, на ступеньках которого расположилась пёстрая компания, состоящая из мнимого попрошайки-инвалида и нетрезвого гражданина, который, сумев добраться до этого места, переводя свой дух, настраивался на последний рывок.

– И что? – уже в спину, направляющемуся к магазину Бу, кинул свой вопрос Аз. Но Бу в сопровождении этого пса, не выказав никакой ответной реакции, продолжал не спеша сокращать своё расстояние между ним и компанией на ступеньках.

– Ну что, бедолаги, – подойдя вплотную к этой компании, улыбнувшись, проявил свою заинтересованность к ним Бу, – Какая-нибудь жизненная помощь нужна?

И если имитатор инвалидности, в виду своего видения жизни через призму обмана, проявил молчаливую подозрительность к этому, не понятно, что за типу, то нетрезвый гражданин, испытывающий на этот счёт противоположные чувства, принял всё за чистую монету, и попросил добавить ему на самое необходимое, без которого он, если его сейчас не примет, то тут же умрёт. Бу же, видимо, любивший мозолить не только глаза, но и людские души, достаёт обвязанную в резиночку пачку денег из кармана, чем заставляет мнимого инвалида позеленеть от злости за свою молчаливую не предусмотрительность, когда как нетрезвый гражданин решает, что будет неплохо записать этот денежный мешок к себе в друзья.

Но Бу не обращает внимания на эти говорящие за самих хозяев взгляды, и, покрутив перед носом инвалида это яблочко в голубой, (всё же в розовой), каёмочке, решает пока попридержать весомую часть денег в одной руке. После чего, свободной рукой лезет в другой карман и, достав оттуда купюру, вручает её жаждущему нетрезвому гражданину, который надо сказать, не слишком претенциозно настроен к этому щедрому незнакомцу, и, получив на руки хоть что-то, соблюдая технику безопасности при подъёме на крутые лестничные склоны, начинает свой неспешный подъём. Бу же, вновь опускает свою руку в карман и, достав оттуда копеечную мелочь, оперевшись своим взглядом на не сводящего всё это время с него глаз инвалида, отсыпает ему мелочь в его выставленную на обозрение ваших милосердных сердец жестяную коробку.

– Ах, да! – как будто что-то вспомнив, Бу поднимает руку с этой, никогда не выходящей из поля зрения инвалида яркой купюрной завёрнутости, и, дав время на вдумчивость инвалиду, посмотрел на связку в своей руке. После чего как-то особенно хитро подмигнул инвалиду

и засунул этот купюрный брикет в карман свисающего с плеч пиджака нетрезвого гражданина, который держась за поручни лестницы, ещё не слишком, а так, на расстоянии вытянутой руки от незнакомца, находился в пути за своим лекарством.

– И не говори, – произведя все эти манипуляции, Бу, в очередной раз привёл в замешательство мнимого инвалида, который за всё время стояния, так и не произнёс ни одного слова, (да что он себе позволяет, а вдруг, это инвалид из общества глухонемых), а тут ему ещё и затыкают рот.

– Его только за смертью посылать. – Бу, приведя мнимого инвалида в состояние бдительной невменяемой злости, заметив, что шелудивый пёс выдвинулся в обратный путь, решил не задерживаться, и сам не спеша направился в обратный путь к машине.

– Ну, и что сейчас это было? – спросил у Бу, облокотившийся на бампер машины Аз.

– Ты мне лучше скажи, как там ведёт себя этот инвалид по собственной воле? – дав простор для обозрительности Азу, не слишком громко спросил его Бу.

– А как ему ещё себя вести, как не посылать проклятия в твою мерзопакостную спину, – Аз решил показать Бу свою аналитическую наблюдательность.

– Ну, последнее он не говорил, а скорее, это всё твоя хромая отсебятина глаголет, – улыбнулся в ответ Бу.

– Ладно, может быть, уже расскажешь мне, что к чему? – Аз вопросительно посмотрел на своего товарища, который, меж тем, не торопился делиться, и, не раскрывая своего рта, переместился в машину. Что ж, делать нечего, и Аз вслед за своим товарищем занимает место на водительском сидении.

– Ну что, поехали, – раскомандовался Бу, на что Аз, впрочем, ничего не имеет против и, заведя машину, выводит её из припарковочного состояния на пока что не слишком оживлённую транспортную магистраль и, не сильно разгоняясь, сначала минует этот магазин, с порога которого на них очень выразительно смотрит мнимый инвалид.

– Ну вот, можешь записать на свой счёт ещё одного почитателя твоего таланта, – ухмыльнулся Аз, ответно посматривая на этого отзывчивого инвалида. – А что я могу поделывать, если только пристрастность индивидуума рождает внимание. – Бу даже как-то серьёзен в ответ.

– Ладно, проехали, – Аз не собирается отвлекаться от дороги.

– Как это, проехали, – после того как машина уже проехала пару кварталов, Бу вдруг, как будто очнувшись, что-то вспоминает, затем как-то даже заводится и, заметив впереди разворот, своим заявлением очень сильно удивляет Аза:

– Давай, скорее поворачивай.

На что Аз не успевает что-либо сообразить, но всё же рефлекторно разворачивает машину в обратную сторону.

– Да ты толком объясни, что случилось? – следуя в обратную сторону, Аз требует объяснений у уставившегося в окно Бу, который, между тем, и не думает что-то объяснять, а ждёт от дороги прибытия к тому, чего они по его словам, ещё не проехали.

– Блин, а что здесь случилось? – всё-таки первым, как и следует капитану корабля, а в нашем случае – водителю машины, Аз заметил относительное столпотворение у входа в знакомый магазин, который ещё пять минут назад, своей пустынностью вполне подходил под местный квартальный пейзаж. Но сейчас пару тёток, чья голосистость вполне компенсировала массовку, кружились вокруг находящегося в неестественном состоянии головного упора в ступеньку лестницы инвалида. Из головы которого вытекала кровь, окрасившая в свой безголовый цвет крутые ступеньки лестницы, ведущей в магазин. Но Бу ничего ему не ответил, и как только по кивку Бу машина остановилась рядом с магазином, он, впрочем, не слишком спеша, вышел из салона, и направился к лестничным дверям магазина. Аз же на этот раз решил не засиживаться, и, выйдя вслед за своим товарищем, пошёл по тому же направлению к магазину.

– Вижу последствия крайней неводержанности, – вместо того чтобы как-то помочь пострадавшему, подошедший Бу, ещё надсмехается над всё-таки пришедшим в себя инвалидом. Который после первого шока, вызванного незапланированным падением головой (а чем же ещё отличаются незапланированные от планируемых падений) об ступеньку подъёма, с более осмысленным взором взглянул на подошедшего незнакомца.

– А вот чем оно вызвано, мне даже на ум не приходит, – задался вопросом присевший на корточки рядом с инвалидом Бу, прищурившись, посмотрел ему в глаза, и перевёл свой взгляд на стоящего рядышком нетрезвого гражданина, крепко держащегося за лестничные перила, и ошалело смотрящего куда глаза глядят.

– Ай-яй-яй, как нехорошо, Лука! – заметив оторванный боковой карман на пиджаке нетрезвого гражданина, Бу наставительно покачивал головой, чем привёл в недоумение инвалида, непонимающего, откуда этот тип знает его имя.

– Я, видишь ли, понадеялся на твою сознательность, и чтобы не откладывать на потом, положил сейчас. А ты, надеясь на бесконтрольность, значит, решил воспользоваться моментом, и внести изменения в планы не тобою исповедуемого, – заумность сказанного этим типом, мнимого инвалида Луку ещё больше ввергает в недоумение.

– Да вот только какая незадача. Не та сноровка на этих псевдо протезах. Да и карман не тот. А? – как-то очень зловеще для Луки улыбается этот незнакомец.

– Ну что Лука, больше не хочешь взглянуть в мои глаза? – незнакомец всё не дает опомниться и прийти в себя ничего не понимающему инвалиду.

– Ну, ладно, – незнакомец решил, что не стоит слушать, что ему ответит Лука и, приподнявшись, посмотрел внимательно на нетрезвого гражданина. После чего вздохнул и, подойдя к нему, бесцеремонно залез в карман пиджака, достал оттуда перевязанную розовой резинкой денежную «куколку» и, не дав понять окружающим, что это сейчас было, без промедления положил её себе в карман. После чего он опять спустился к Луке и, заметив, что тот кроме своей башки при падении, также разбил свой телефон, опять покачал головой (знает, сука, что Луку и так мутит от сотрясения мозга, а тут своей раскачкой, видимо, хочет, чтобы того вообще вытошнило). И, явно издеваясь над немощью Луки, заявив напоследок: «Беречь надо себя. Особенно зубы», – поднялся, и вместе с таким же хмурым типом отправился назад к машине, которая на этот раз уже уехала с концами.

Глава 3

Без пяти дней неделя. Места паскудные и питательные.

— Слушай Дуб, а он тебя не пугает? – глядя как Шкет вбивает в землю уже всем своим видом не сильно отличающееся от этой серой тверди, какое-то уже не слишком похожее на человека существо, спрашивает своего товарища, этого вечно что-то жующего, здорового лба, прозванного Дубом за свою непробиваемость, как в физическом, так и в умственном плане, вторая, не менее живописно выглядящая личность, Серый. Чья надо сказать авторитетность, сразу же бросалась в глаза, выглядывая через все бездежные участки его тела, которые всё же не остались без неё и были набиты всевозможными видениями себя, с этой, с большой партачной буквы, личностью. Что, надо заметить, очень впечатляюще гармонировало с его строгим костюмом, как там говорят, с иголочки одетом на нём, из которого он не вылезал в любое время года.

И ведь какая существует несправедливость в этом мире, пытающемся скрасить всё то, что выделяется из общей массы живущих и, вместо того, чтобы как-то отметить эту, стремящуюся ко всему яркому личность Серого, она через глас окружающих его, в пику ему, осерила его, и тем самым заставила поблукнуть. С чем, конечно же, Серый не мог примириться, и уже яркостью своих поступков, заставлял поблукнуть тех, кто не благоразумно вставал на его пути,

либо же приземлять, обретя на серость тех, кто из-за излишней своей самоуверенности, переходил ему дорогу.

– Ага, есть немного, – ржёт в ответ Дуб.

– Не боишься, что останешься без работы? – Серый, судя по реакции сосредоточения на Шкете Дуба, опять забылся, зайдя за пределы понятливости Дуба, который не стал допивать остатки воды из банки и, выбросив её, направился в сторону Шкета, всё также энергично прыгающего на теле б.у. человека. Подойдя к которому, Дуб без лишних слов отодвигает в сторону эту мелочь очкастую, хватая за волосы, как-то уж вызывающе распластавшегося на земле человека, и своим подъёмом его на вершины собственных носков, указывает всем на свою силовую незаменимость.

– Слушай меня внимательно, падла, – всё же обращение Дуба к этому овощу слишком запоздалое, но Серый, и тем более Шкет, не спешат перебивать взявшегося за дело Дуба, который всегда доводит до конца поставленную перед ним задачу (главное, чтобы эту задачу перед ним не поставил сам Дуб).

– Блин, да он своим молчанием дерзит тебе, – не может смолчать Серый, любящий различные театральные сюжеты. Но Дуб слишком целеустремлен, чтобы кого бы то ни было слушать и он, тряхнув разочек этот ручной овощ до степени приподнятого над поверхностью земли состояния, со словами: «Чтобы ноги твоей больше не было на территории Луки», – дабы быть последовательным, закидывает этот овощ в стоящий в этом редко захожем пустынном месте, контейнер для мусора. После чего, с чувством выполненного долга, свысока, что при его росте было незатруднительно сделать, глянул на истекающего потом мелкого Шкета, затем подойдя к Серому, очень определённо посмотрел на него.

– Всё видел и скажу, что на этом поприще тебе замены не найти, – Серый, трогая в кармане холодный ствол пистолета, дабы не ставить Дуба на колени перед существующими реалиями жизни, решил оставить того в благостном неведении о существовании такового его скорострельного конкурента.

– Ну что, куда поедем дальше? – войдя в раж, Шкет готов крушить всё на своём пути.

– Я думаю, что после качественно выполненной работы, нам не помешает заехать куда-нибудь перекусить, – заявления Серого вызывают полную поддержку у Дуба и явную контрпозицию Шкета.

– Да ты Шкет оттого такой злой, что худой, – садясь за руль автомобиля, Серый вновь развеселил Дуба.

– Я не злой, – своей резкостью и ответом Шкет удивляет Серого и Дуба, которые, переглянувшись, с вниманием посмотрели на Шкета. – Я просто подвержен незапланированному выходу своей агрессии.

Шкет лучше бы так не отвечал, вызвав в ответ агрессивный хохот сотоварищей по нелёгкому делу.

– Ну ты, Шкет и моришь, – уморившийся Серый, отсмеявшись, и наконец-то придя в себя, сумел что-то высказать в ответ.

– Ты давай, уже забудь свои менеджерские словечки, а то гляди, как бы Дуб не уморившись, не уморил тебя, – поглядывая на Дуба, Серый не даёт возможности объясниться Шкету, взволновано протирающему очки.

– А, агрессия в нашем деле, должна быть планируемой. Усёк? – чмокнув языком, Серый отворачивается от Шкета и, заведя автомобиль, трогается в путь.

– Ну, куда поедем? – Серый, видимо, решив сгладить отношения со Шкетом, даёт тому право на выбор заведения. Шкет конечно бы с удовольствием разретушировал эти рожи, но, пожалуй, сейчас он был бы не против перекусить и, вспомнив одно место, где можно не только перекусить, но и... называет адрес этого заведения кафешного типа. Название которого, ничего

не говорит, как Серому, так и Дубу, но они не возмущаются, и дают Шкету право порулить их действиями.

– Ну и что здесь есть такого, чего нет в другом месте? – зайдя в кафе стандартного типа, Серый, не видя хотя бы привлекательных красот или красоток, а лишь серую плесень служаще-технической прослойки жизни, с недоумением посмотрел на Шкета, скорей всего, ностальгирующего по той части своей жизни, когда его диплом инженера позволял ему не давиться и есть эти тухло жидкие щи.

– Обстановка, – несколько радостно заявил Шкет, и как-то уж привычно взяв разнос, пошёл на раздачу, всё-таки скорее столовой, чем по заявлению вывески – кафе.

– А мне, нравится, так перекусить, – заняв полстола набранным, заявил Дуб Серому, которому как раз мало что нравилось.

– А. Я теперь тебя понял, – после небольшого перекуса, Серый ещё раз вздохнув запах местной кухни, обратился к Шкету. – Это для тебя своего рода релаксация. Так при виде этой никчёмности, ты себя приводишь в нужный рабочий настрой. – Серый дополнил свои слова мерзким втягиванием через трубочку остатков жидкости в стаканчике.

– А тебе не по хрен. – Дуб, наворачивая за обе щеки, и не собирается во что-то вникать, кроме своего обеда.

– Ну, Дуб, ты не прав. Всё-таки мы должны прислушиваться друг к другу, и если что, отвечать на все вызовы и чаяния собрата. – Серому легко рассуждать, когда он, в отличие от других, съедает всё максимально быстро.

– Точно, – согласился с Серым Дуб. – Я чай забыл.

Сам того не желая, Дуб поддел этого болтуна Серого, который, впрочем, не разразился недовольством, а заметив явную отвлеченность Шкета, дабы соответствовать пониманию своего товарища, повернул свою голову в сторону этой видимой заинтересованности Шкета, где впрочем, как и ожидаемо, стояли зашедшие девушки, очень привлекательного вида.

– А ты Шкет, не так-то прост, – повернувшись к Шкету, Серый хитро подмигнул тому, внезапно выразительно поменявшему цвет своего лица. – Дуб, осторожно! – своим резким выпадом напугал Дуба Серый. – У Шкета опять начинается незапланированная агрессия.

– Да, пошёл ты! – слишком хитёр и непредсказуем Шкет, который посылая, при этом делает противоположное, и уходит сам из-за стола в направлении туалета. На что Серый, для которого всякая ходячая привлекательность вызывает аппетит, встаёт из-за стола, направляется к раздаче, где остановившись в шаговой доступности от этих, как им кажется недоступностей, принимается очень внимательно изучать всё то, что у них есть. Пока же он тут свои думы думает, и чужие виды выведывает, за их стол обратно вернулся Шкет, который, не обнаружив Серого, сразу же принялся к расспросам Дуба.

– А где Серый? – вернувшись за стол, и просмотрев ситуацию у раздачи, Шкет спросил Дуба, который дабы не расплескать содержимое рта, только и отвёл свои глаза в сторону раздачи, где Серый своей наблюдательностью бесцеремонно вторгнулся в неприкосновенную внутри декольтированную жизнь ближайшей к нему девушки.

– Ах, ты... – упав на стул, только что и мог выразить взбешённый Шкет.

– Ладно, чего ты, – не пустив вход ничего кроме глаз, которые зачастую несут в себе не меньше на смакованной грязи, Серый со стаканчиком кофе вновь присоединившись к частично нервно ожидающей его компании, обратился к Шкету.

– Ничего, – только и буркнул в ответ Шкет.

– Так я же специально, – наглости Серого нет предела, на что надо что-то специально ответить или сделать, но Шкет, ещё не обладавший такой широкой фантазией, только презрительно смотрит на этого паука на шее Серого, которому пора уже расставить кому-нибудь свои сети.

– Я это к чему говорю, – начал разговор Серый. – Ты что думаешь, та плоскость, в которой ты оказался, не предусматривает сложность отношений между людьми. Или по твоему, только прямые решения приводят к нужному результату?

Дуб, зная эти закидоны Серого, не стал не только влезать, но и слушать, а выбрав для себя привычное занятие, стал прислушиваться, как там у него за ушами трещит.

– Правда, не надо забывать, что скорость оборота средств предполагает их скоротечность, как использования, так и кратковременность их владения. Что в свою очередь, налагает свой характер на наши отношения, как между собой, так и с окружающим миром.

– Ты это о чём? – не поняв сути разговора, спросил Шкет.

– А к тому, что ты, с одной стороны, при высокой скорости твоих отношений с этим миром, должен всё быстро успевать делать, но с другой, если твоя удовлетворённость не последует за тобой, то ты либо сгоришь, либо же выпадешь навсегда из этой обоймы. – Серый знает многие оттенки жизни и философского видения теней жизни, которых у него не занимать.

– И отчего зависит эта ваша успеваемость? – для Шкета всё-таки интересна, как оказывается, имеющая место своя философская обоснованность этого рода, на грани деятельности.

– Конечно, от скорострельности, – ухмыльнулся в ответ Серый. – В широком смысле этого слова.

– Слишком туманно звучит, – Шкет не настолько скорострелен, чтобы всё понимать с полуслова.

Видя, что Шкет недопонял, Серый добавил своё понимание этой скорострельности.

– Ну, скажу так, видимость всегда обманчива, а слова часто перефразируемы. И делая первый вывод из сказанного, не забудь о том, что кто-то может сделать этот вывод как по-другому, так и за тебя. – Серый уже как заведётся, так уже и сам не знает, где остановиться.

– Ничего не понял, – хоть и пытается, но не может уловить суть разговора Шкет.

– Это ответ на моё специально. – Всё-таки придурковат этот Серый. – Вон, посмотри на этих двух неровно дышащих имбецилов, – Серый кивнул в сторону пары выпендрёжников, которые не только дурью маялись, развалившись у себя за столом, но и своими напористыми взглядами, не давали этим двум отмеченным Шкетом девчонкам спокойно пообедать. По виду мгновенно вспыхнувшего Шкета нетрудно было догадаться, что такое вызывающее поведение этих хмырей, нашло отклик в его трепетной и очень восприимчивой душе.

– А вот моё специально относилось к ним. Чтобы они, по крайней мере, пока мы находимся здесь, не слишком-то спешили со своими поползновениями. – Заявляет Шкет.

Серый хотел было ещё что-то сказать, но сигнал его телефона не даёт шанса договорить, и уводит его на улицу, дабы конфиденциальность разговора не повредила чьи-то несознательные уши от преждевременного их увядания.

– Чё, какая твоя? – всё-таки Дуб не такой уж и дуб, и если дело касается девчонок, то он всегда готов проявить своё сознательное участие во всякого рода непотребстве.

– Вон та рыжая, в джинсовой куртке, – Шкет очень признателен Дубу, проявившему участие к нему.

– Ну, тогда моя вторая. – Дуб совсем не платонически облизнулся, глядя только на вторую брюнетку, что со стороны мало ощущалось, и казалось, что он своим взглядом обхватывает не только сидящих отдельно за столом молодых девушек, но а также кассира, попавшую в поле его зрения. Тревожно принявшуюся считать количество потерянной выручки, после того как этот бандит, непременно потребует от нее, ею поделиться. Что уж говорить, про того худосочного паренька на раздаче, пригвожденного взглядом Дуба пятидюймовыми гвоздями прямо в пол, в шумливой голове которого, уже выработалась своя версия того, как его будут свежевать.

– Ну, я не знаю, – Шкет немного озадачен таким простодушием Дуба, которое, кто знает, куда может его завести.

– Чего не знаешь-то? В конце недели идём в кабак. Так что тёлки как раз не будут лишними. – Дуб нарисовал перед Шкетом весьма непростую задачу, обеспечить тёлками их поход на отдых. И при этом взгляд Дуба говорил о том, что к выполнению задачи он должен приступить немедленно. На что Шкет не был готов, и если бы Серый вовремя не возвратился, то кто знает, чем бы стимулировал Дуб Шкета на поход, к тому привлекательному во всех смыслах столу.

– Есть тема, – с довольной физиономией присел обратно за стол Серый.

– Ну? – если дело касается всяких там тем, Дуб быстро умеет переключаться от несущественного к сущему.

– Как насчёт, записаться в байкеры? – подмигнул Шкету Серый.

– А конкретней, – для Дуба, разговаривающего с данным видом техники на вы, более предпочтительно обходить стороной этих всяких двухколесных друзей, тогда как Шкету, имеющему у себя «Ямаху», эта тема по душе.

– Пошли на улицу. Там и поговорим. – Серый поднимается из-за стола и даёт старт всем участникам застолья, которые не спеша вслед за Серым направляются на выход, который, как оказывается, привел не всех следовавших к нему. А как заметил спустя время, потребовавшееся на обнаружение неполноты своих рядов и рассмотрения в окно кафе, Серый, Шкет решил для начала найти выход своим эмоциям, которые не только выплескивались на этих двух охламонов, посмевавшихся вытаращить свои зенки на то, что им, падлам, не полагается смотреть, но и частью смешивались с их напитками и едой.

– Ровно сел, гнида, – учил правильному поведению охламонов за столом Шкет. После чего следовала небольшая лекция на тему: «Сюда смотри, и слушай» – в завершении которой, для лучшей запоминаемости слушателей, в особенности того в бейсболке, Шкетом был применён очень действенный приём под названием тыканье носом в твоё же...

В общем, реквизитом на этот раз выступил стаканчик с какой-то газированной гадостью, который своей бумажной хрупкостью мало что мог противопоставить голове охламона в бейсболке, которую на стаканчик и обрушил Шкет, взявшись очень старательно за дело, а вернее, за его шею.

– Дуб, я теперь понимаю, почему ты рекомендовал мне его, – отойдя от окна, закулив, Серый прокомментировал действия Шкета.

– А чего это он? – для поддержания разговора, спросил Дуб.

– А я-то откуда знаю. Может, они выглядели вызывающе, и он не смог пройти мимо них. А может, он выглядел слишком вызывающе, и не смог не вызваться и не обратиться с вопросом к ним. В общем, откуда я знаю, что твориться у него... – Серый посмотрел внимательно на Дуба, – и у тебя в голове, – резюмировал Серый.

– А может, он просто послушал тебя, – на этот раз Серого своей внимательностью удивил Дуб.

– Иногда лучше оставаться глухим, – очень внимательно глядя на Дуба, дал тому понять Серый.

Глава 4

Без пяти дней неделя. Другая половина и часть города.

– Потеряв тебя сегодня, как ни странно, я себя нашёл. – Напев Фомы вызвал у Тёмы приступ подавленности, которая всегда наступает когда ты, не прожевав пищу как следует, стараешься наскоро заглотнуть её в себя. Что, впрочем, на Тёму не было похоже, и что, скорее всего, обстоятельства случившегося, когда его сосед за обеденным столом в кафе и по совместительству друг Фома, ни с того ни с сего вдруг напел эту строчку из песни Киркорова, которого они на дух не переносили, и послужили этой его раздавленности.

– Ты чего, моей смерти хочешь? – Тёма, по дружбе получил по спине, и теперь, благодаря этой своевременной помощи друга, был обязан жизнью Фоме, который, между прочим, сам и был причиной этой смертельной опасности, душившей Тёму изнутри, но несмотря на это, всё-таки сподобился хоть на какой-то ответ. Однако ответное задумчивое молчание Фомы, конечно можно было интерпретировать как знак согласия, что было очень подло с его стороны. Но Тёма, не судивший по людям лишь с поверхности, решил, что Фома, за чей обед он сегодня заплатил, не такой уж неблагодарный гад, и его молчание имеет иные причины.

– Не понимаю, чего ей ещё надо? – неожиданно для Тёмы Фома выплеснул из себя эту эмоциональную непонимаемость, чем вновь подверг Тёму опасности – на этот раз пролить суп мимо рта.

– То, чего ей с тобой не найти, – всё-таки очень мстителен этот Тёма, не собиравшийся молчать, и за брызги от супа, готовый отплатить Фоме по полной, вот так, прямо ему в лицо разя правду-матку.

– Сука! – единственный ожидаемый в таких случаях ответ, почему-то заставил себя ждать, и не вылился в эту словесную непреложную истину, сформировавшись в неприкаянной голове Фомы, который, или же был тормоз по жизни, либо ещё не настолько отчаялся, и имел некоторые надежды на эту суку, девушку,

– Я уже не знаю, – как ответ всем нам и, в частности Тёме, прозвучало тщедушное послание Фомы, принявшегося допивать чай.

– Знаешь, что, – Тёма, как человек очень впечатлительный и боявшийся подпасть под унылое влияние Фомы, решает, что пока это не произошло, просто необходимо переломить ситуацию, и предложить Фоме альтернативу выбора.

– Тебе надо развеяться. Так что, давай на выходные выберёмся в тот же кабак, – подмигнул своему отражению в чашке кофе ловкий Тёма, явно решивший отбить на кабаке своё угощение.

– В принципе можно, – склонность к мрачности, которую можно будет усилить этим посещением кабака, часто ведущим к мрачности сознания, не находит возражений у Фомы.

– Вот только с кем? – видимо, Фома не настолько безнадёжен, раз ищет чьего-нибудь общества.

– Алка кого-нибудь найдёт, – Тёма, имевший стопроцентное решение для себя, честно сказать, не слишком уж сильно переживал за друга, собираясь переложить сие важное решение на хрупкие женские плечи.

– Да кого она найдёт?! – возмущается Фома.

– Да вот, совсем недавно к ней в соседний подъезд переехали новые жильцы. И среди них есть одна такая... – посыл своих глаз вверх, в небеса, не дал Тёме закончить рассказ о том, какая она раз такая.

– Смотри, как бы до Алки не дошло, что ты тут совсем не по ней закатываешь свои глазенки, – Фома ухмыльнулся, глядя на Тёму, который во всем этом, в очередной раз увидел намёк Фомы на то, что его жизнь находится в полном распоряжении приятеля.

– Да пошла она! – мужественность Тёмы так и прёт из него.

– Ну ладно, зови её. – Фома даёт добро, в чём Тёма, впрочем, не нуждается и, достав телефон, набирает кого-то.

– Алюсик? – начало Тёминого разговора на своих высокочастотных тонах умиляет Фому, секунду назад чуть-чуть испугавшегося за эту посылательную деятельность Тёмы.

– Да, да, конечно, в обязательном порядке, – потекла стройность речи, очень последовательного и требовательного к себе Тёмы.

– Ха-ха! Ну, ты и умеешь развеселить! Да неужели? И бывает же... – Тёма очень ловко подводит разговор к нужной теме. – А Фома, тут весь изнылся. Ага, не говори – скотина, одно слово. Может, сходим куда-нибудь на выходные? В Калейдоскоп. А почему бы и нет? Ха-ха.

А для Фомы... Только без требовательности. Так может, Олесю? Идёт... Чмоки по чмоки! – Тёма довольный заканчивает разговор.

– Тьфу! – не выдерживает Фома, и отвечает своими чмоками на эти сюсюканья Тёмы, который, хоть и не удивлен этим поведением Фомы, но как имеющий свою точку зрения на собственное поведение, не может пройти мимо и не высказать позицию.

– Плевать в пищевом заведении, хоть и в чашку, не эстетично. – Делает замечание Тёма.

– Да пошёл ты! – в свою очередь посылает его Фома, и Тёма, к не удивлению того, встаёт, и вместе с Фомой отправляется на выход из заведения.

– Ну, а теперь куда? – выйдя на улицу и вдохнув совсем не освежающий жаркий воздух, спросил Фому Тёма.

– Как это куда? – усмехнулся тот. – На работу.

– Ах, да. Я совсем забыл, – хитрый вид Тёмы говорит совсем об обратном.

– Хочешь, чтобы Зинаида тебе об этом напомнила? – Фома дал ход своим ногам в ту сторону, где их ждала трудовая вахта, с Зинаидой в придачу.

– Ты только кабинет посторожи, чтобы в него никто не входил, когда Зинаида будет меня наказывать, – слишком уж пакостно проговорил Тёма, из-за чего Фоме в очередной раз захотелось расплеваться.

– Ладно, уже и пофантазировать нельзя, – Тёма, видя недовольное гримасничанье Фомы, решает оставить при себе эту свою фантазийную наказуемость Зинаидой, которая невероятно жестока в этих его бурных фантазиях.

– Двадцать пятый, ты где пропал? – суровый голос диспетчера доносится из рации такси, у которого остановились Фома с Тёмой.

– Видишь, стоит о ней подумать, как она тут, как тут, – засмеялся Фома.

– Знаешь, о чём я сейчас подумал? – Тёма не слишком сильно отличается от среднестатистического обывателя, частенько требуя от своих товарищей или друзей, проявить экстраординарные способности, на что те раз за разом ни в какую не соглашаются (природная скромность и стеснительность встаёт тем барьером, который не только не даёт проявить себя, но и не позволяет), и заявляя: «Хорош придуриваться» – ждут ответа от вас.

– Тебе Фома надо заставить Леру врасплох, и тогда её первый взгляд тебе всё обо всём расскажет, и сразу станет ясно, что почём. – Говорит Тёма.

А Тёма не столь безнадёжен, как кажется, и в словах его есть определённый смысл, о котором Фома, принявшись прогуливаться вокруг машины, принялся размышлять.

– А то эта её лобовая смесь перечеркнутостей из горизонтальных морщин и вертикальных по краям углубленностей, уж очень непонятна, – всё-таки физиономист из Тёмы никакой. Фома же, имевший на этот счёт свою мимикрическую точку зрения, хотел было возразить Тёме, указав ему, что его ума дело, но резкость движений на проезжей части своей звуковой и визуальной составляющей, всяко была более интересна, чем постная рожа Тёмы, на которую смотри не смотри, а ничего нового не увидишь.

Ну, а проезжая часть, часто изобилующая не только различными транспортными средствами, но и сопряженными между ними тёрками (как проекцией желаний и возможностей «Я» с большой буквы хозяев транспортных средств), всегда даёт, как повод подумать над мимолетностью и скоротечностью жизни, так и возможность понаблюдать за стремительной скоростью некоторых индивидуумов. Чья мозговая деятельность, либо несопоставима с ней, либо же своим ходом мысли просто не успевает за движением, что в итоге, всегда приводит к одному и тому же, а именно – к поводу (смотри выше).

На этот же раз повод хоть и был, но всё же несколько в ином контексте, что, общем-то, согласуется со всем ранее сказанным, а именно – в желании одних участников происшествия доказать собственную правоту другим. Которые в свою очередь желали того же и, что естественно в таких случаях, где всё происходит с пылу и жару, из бурных принципиальных

предъявлений (которые часто пропускаются): «Ты где права купил!» – что обычно натывается на альтернативу: «Машину купил, а права забыл!» – всё перерастает в демонстрацию специфических знаний поведения на дорогах (каждый из участников движения готов сложить свою голову, лишь бы правила на дорогах никогда не нарушались, а уж для этого они не побоятся пойти на дополнительные траты, и прикупят себе чудодейственные биты-аргументаторы).

При этом надо заметить, что особенную изюминку всем таким происшествиям на дорогах придаёт участие какого-нибудь черно-огромного джипа с тонированными стеклами, внутри которого тебя всегда ждут удивительные сюрпризы и открытия. Что и на этот раз не дало обмануться надеждам, как невольным участникам происшествия, так и случайным участникам наблюдения. Так из джипа, который примял байкера на светофоре, очень живо, возможно для того, чтобы успеть решить все свои дела, пока горит красный сигнал светофора, выскочило два очень мускулистых и очень хмурых типа.

И, наверное, байкер, ещё до зелёного сигнала светофора оказался бы в багажнике этого адского автомобиля, если бы не байкерская тяга к стадности, которая привела к этому месту столкновения ещё с десятком ревущих мотоциклистов. Что внесло новый расклад в данную ситуативную диспозицию, где количество всё же иногда переходит в своё убойное качество. И если на стороне этих хмурых типов была их мускулистая подготовка в центрах физического роста мускулов, то байкеры в свою очередь, не имея возможности похвастаться столь впечатляющими бицепсами, имели кое-какую экипировку, частично защищающую их при падении на дорогах, и в не меньшей степени, позволяющей им противостоять подобным типам на перекрестках их путей.

Так что не было ничего удивительного в том, что байкеры, решив не представляться и, тем самым не подставляться, не стали снимать свои шлемы с голов, и как какие-нибудь инопланетяне из голливудских фильмов, бросились в атаку на хмурых парней. Которые, не ожидая такой вероломности по отношению к ним, всегда бывших неожиданностями для многих (особенно для должников), даже несколько растерялись, заодно подрастеряв несколько выбитых зубов.

А что они могли поделать, когда со всех сторон, бесчувственно, но очень чувствительно для самих попавших под удары ног байкеров, на них обрушились, эти разящие их костюмы от Бриони, окованные в железо ноги рыцарей дорог, кроме как только вмяться головой в асфальт, и, стиснув зубы, желать им того, чего себе в страшном сне не пожелаешь. И хотя подготовленность мускулистых парней к подобного рода передрягам, иногда выходила боком, или головой об асфальт кому-нибудь из-за зазевавшихся байкеров, кто не слишком уверенно вбивал свою мысль в голову этого обалдую, всё же численное превосходство дало о себе знать, в свою очередь, дав познать лежащим на асфальте мускулистым парням относительность собственного положения, где часто можно оказаться и в положении битого.

Но так как относительность не предполагает бесконечность, то байкеры, убедившись по обездвиженным телам мускулистых парней, что до них кажется дошло, не теряя больше времени на разъяснения, а то вдруг появится какой-нибудь вечно непонятливый и дотошный представитель власти, который сочтёт своим долгом... В общем, без объяснений. Ну, а уж когда речь заводится о долгах, то разве это кому-нибудь интересно, кроме разве что самих кредиторов? Так что спасибо и на этом. И байкеры, поддав газку, прямо в лица лежащих, одновременно встревожили их, и унеслись прочь подальше.

– Впечатляет, – прокомментировал увиденное Тёма.

– Когда твою рожу впечатывают в асфальт, это всегда впечатляет, – Фома не мог не поумничать.

– Ну и поделом! – Тёма, однозначно испытывающий антипатию ко всем владельцам чёрных внедорожников, очень выразительно посматривает на решивших приподняться со своего места этих парней, ставших ещё более хмурыми, чем были до этого.

– Ты только слишком явно не выказывай свою радость, – предупредительно указал на Тёмино воодушевление Фома, не понаслышке знающий о предвзятости подобного рода парней, вечно видящих в тебе какое-нибудь средство для достижения своих желаний. Но на этот раз эти парни особо не раскидываясь взглядами, и будучи несколько удручёнными такими своими немислимыми обстоятельствами дел, даже не отряхиваясь от дорожной пыли, добрались до своего автомобиля и, сев в него, нет, не тронулись вдогонку. А как заметил Фома, имеющий в отличие от Тёмы зоркий глаз, получив подзатыльники от кого-то сидящего там, на заднем сидении, уже только после этого рванули автомобиль вперёд.

– Слушай, а давай на выходные пойдем в Калейдоскоп, – Тёмино часто имевшее место отвлечённое вольнодумство, никогда не оставит без его внимания удивлённых Тёмиными заявлениями слушателей, которые, сбитые с толку этой бессвязностью между действием и высказываниями Тёмы, вглядываясь в него, пытаются понять – в чём тут фишка. И хотя частично, этот Тёмин, как кажется, невпопад, происходит ради привлечения к себе внимания, он всё-таки всегда находит разумные объяснения, которые заставляют внимающих усомниться в своей возвышенной (с помощью этой, казалось бы, Тёминой глупости) компетенции во всём.

– Я думал, что только им ударила кровь в лицо, – Фома слишком преждевременно решил подсмеяться над Тёмой.

– А, оказывается... – но вид стоящей на другой стороне дороги машины, на крыле которой, переливаясь красками на солнце, блестела надпись «Калейдоскоп», заставил Фому пристыжено умолчать, и больше не заявлять о собственной недалёковидности и непонятливости. Впрочем, Фома не собирался долго отмалчиваться, и дабы уже сам Тёма о себе много не подумал, задал вопросом:

– А что за Калейдоскоп они там рекламируют? – чем и поставил, пожавшего плечами Тёму в тупик, знавшего только кабак с таким названием, что говорило о многом в его культурном и эстетическом воспитании, полученном в такого рода заведениях.

– Так может, узнаем? – Фома, не получив ответ, предложил расширить свой кругозор.

– А как же работа? – Тёма хоть и не прочь, но желание ответно напомнить Фоме о его недисциплинированности перевешивает в нём всё.

– После, – краток Фома, который достав телефон из кармана, делает снимок этого автомобиля и, удовлетворившись чёткостью кадра, отправляется к своему, стоящему рядом с Тёминым автомобилю.

– Ну так что, насчёт кабака? – Тёма как прицепится, так и не отстанет, пока не получит ответа.

– Давай за это поговорим послезавтра, – Фома, в свою очередь, не прибегает к хитрости кормежки завтраками, а сразу прибегает к после завтракам, которые, по его хитрому соображению, вечера завтра всегда мудренее.

– Не понял, а почему послезавтра? – Тёма, знающий о пользе завтрака для организма, всё-таки ничего не слышал о пользе послезавтра, и поэтому пытается разобраться в этом насущном вопросе.

– Так завтра же коллективная попойка. Ты что, не пойдёшь? – даже странно, что Фоме приходится напоминать Тёме об этом ежемесячном собрании их коллектива таксопарка в одном из баров. Где они, под холодненькое, могут не спеша на вызов, так сказать, не на ногах, переговорить между собой и высказать всё накопившее друг другу, на что частенько времени не хватает. А уж то, что иногда разговоры доходят до мордобоя, то это всего лишь рабочие моменты, без которых притирание в коллективе невозможно. И хотя некоторые неуважительно называют это собрание коллектива коллективной попойкой, то это верно лишь отчасти, тогда как само мероприятие, где выносятся на обсуждение столько волнующих душу профессиональных вопросов, играя свою благодатную роль в смягчении нравов таксистов, однозначно

выполняет функцию профсоюзного собрания. Ну а то, что здесь присутствует пиво, то как ещё по-другому обеспечить нужный для принятия решений кворум?

– Посмотрим, – ответил Тёма, еле сдержавшись, чтобы не почесать свой нос.

– Скудный, а главное, предсказуемый ты тип, – глядя на то, как байкеры выбивают пыль из этих недостаточно мускулистых парней, Аз с ухмылкой предъявил претензию забравшемуся на пассажирское место Бу, который несколько запыхавшись, начал снимать с себя тяжеловесную куртку. Чья эмблема на спине очень сильно смахивала на то, что было изображено на спинах тех байкеров, которые ради справедливости готовы были отбить себе ноги, об эти мускулистые тела.

– Что же мне сказать в своё оправдание? – заулыбался в ответ Бу, который был тем первым байкером, вставшим на пути грозного джипа, и тем самым принял наиболее существенный удар на себя. – Разве что только одно. Обвинить тебя в поверхностном взгляде, не замечающем под всеми этими хлопотами главную нить существования, которая обязательно всё свяжет воедино.

Заумность Бу для Аза всегда означает уход от прямого ответа, и он, привыкший к этой чудаковатости Бу, не слишком напирал на него.

– А они молодцы. И если бы не их слаженность действий, то, пожалуй, парни не с нашего двора, смогли бы серьёзно им поправить мозги, – наблюдая, как байкеры своими ударами мгновенно купируют любые попытки подъема с асфальта хмурых парней, Аз отдаёт должное байкерской сплочённости.

– А я, что говорил? Хотя, ты всё-таки выражал сомнения на их счёт, – хмыкнул Бу, накинувший на себя вместо куртки пиджак.

– Ладно, чего уж теперь, – Аз, заметив, что дело сделано, и байкеры собрались покинуть поле битвы, с некоторым сожалением обратился к Бу, и заодно к поднявшему свою квадратную голову хмурому парню, который с некоторым непониманием провёл взглядом по сторонам и неясно воззрился на машину, где сидели Аз и Бу.

– Давайте уже, пошевеливайтесь! – Бу слишком уж требователен к этим парням, которые и без его указок поспешают, как могут.

– Удивляюсь я всё-таки над тобой, – замысловато посмотрел Аз на Бу. – Сам заваришь что-нибудь в таком роде, а потом ещё строишь из себя непричастность.

– Я их что ли бил? – всё-таки Бу поразителен настолько, что даже у Аза нечего на это ответить. Хотя, если немного поглотать воздух в больших количествах, то всегда можно к чему-нибудь прийти. Но Аз не успел должным образом нахвататься кислорода, как портативная рация, установленная в их машине, вдруг решила, что если кому-то на данный момент не дано слов, то уж тогда не обессудьте, и она даст повод для обсуждения.

– Эй, балбесы! – обладатель раздавшегося из эфира голоса, видимо, очень хорошо знал этих балбесов, раз Аз и Бу, синхронно улыбнувшись, тут же повернулись в сторону голосащего хамла, которое, несмотря на выделенную спец частоту, таким оскорбительным манером обратилось сами знаете к кому.

– Хорош паяльаться на бездушную коробку, – а ведь владелец этого женского голоса, как в воду смотрит и, находясь вдали отсюда, она очень точна в описаниях действий этих двух балбесов, которые, впрочем, действуют, как и любой обыватель, услышавший такой отдаленный призыв. Что, надо сказать, вполне себе разумно, и прежде, чем ответить, просто необходимо подумать и прежде всего дать ответ самому себе на сакраментальный вопрос: «А мне это надо?» – и уж после того, когда ты считаешь благоразумным не молчать, только тогда сможешь перестать глазеть на этот говорящий чёрный ящик, и воспользоваться своим ртом.

– Ну, и долго я ещё буду ждать?! – голос из ящика начинает испытывать нетерпение.

– Сколько нужно, столько и будешь! – умеет дерзить Бу не в микрофон.

– Я всё слышу. И знаю твоё ребячество, Бу, поэтому обращаюсь к Азу. Давай живо, отвечай! – требовательность голоса заставляет Аза сурово посмотреть на веселящегося Бу, который, как всегда, уклонился от разговора, и выдвинул его на первый план

– Я слушаю, – взяв в руки тангенсу, ответил Аз.

– Только вот не говори мне, что только что услышал вызов, – голос в рации принадлежит, видимо, ещё тому калачу, знающему все на свете отговорки. – Так что без лишних разговоров. Давайте живо ко мне, – озвучив задачу, голос из рации не стал слушать каких-либо ответов, и пропал так же, как и появился.

– Люблю я эту Су за её постоянную живость, – резюмировал разговор Бу, и, откинувшись на сидение, принялся ждать, когда Аз приступит выполнять эту живость. Ну, а насчёт этого живо, можно не беспокоиться, ведь Аз не зря занимал водительское место, и Бу только с придыханием мог взирать на дорогу, когда Аз, давя на педаль акселератора, старался расшевелить своего железного коня. Так что Бу в очередной раз пожурил себя за свою несдержанность, когда Аз, следуя зову, то ли желанием голоса той незнакомой Су, то ли голосу дороги, принялся осуществлять это «по живее», которое частенько находилось на грани «живее». И если стремление некоторых участников движения поиграть с ним в шашечки говорило об их безрассудности, которая, как правило, приводит к противостоянию – нет, не интеллектов, а вашего транспортного средства и помехи на дороге, коими становятся все без исключения машины, на свою беду выехавшие вместе с вами в этот неурочный час. Так что шашечная партия частенько переходит в партию шахматную, где потеря пешки, без которой просто не обойтись, ещё не самое страшное в этих блиц-турнирах.

Но на этот раз неугомонные качества Аза никто не посмел оспаривать, хотя, может просто не успели среагировать, так как он, сумев обойтись без лишних тёрок на дороге, привёз свой автомобиль (хотя автомобиль и является тем транспортным средством, на чьих сидениях перемещаются все эти горе-водители, но ввиду того, что они и в вправду горе-водители, да и обстановка на дорогах, честно сказать, является источником постоянной нервической опасности, так что выражение, что именно Аз привёз автомобиль к месту назначения, имеет право на своё лингвистическое существование), и сидящего на пассажирском сидении Бу к этому, определённо интересному месту.

И хотя, парк культуры в будние дни вызывает огромный интерес лишь у несебялюбивых молодых, а иногда с бесом в ребре, парочек, да в выходные дни, добавляя к ним беззаботный отдыхающий люд, всё-таки эти минуты интереса, зачастую становятся для вас самыми интересными и незабываемыми минутами в жизни, и поэтому парк культуры будет всегда интересным местом. Так что выбор места для остановки прибывшего сюда на время своей маршрутной гастроли, цирка-шапито был точно не случаен. Впрочем, этот цирк-шапито и сам был не лыком шит, и должен был повысить количество празднующихся в этом парке, где можно иногда отвлечься от поцелуев, и посмотреть не только в глаза своего тет-тета, но и в её уже расширенные от страха зрачки глаз, когда она, глядя на захватывающий дух полёт эквилибриста, даст волю своим эмоциям. Что со всей своей безответственностью и предлагается в этом, не стоящем на месте, а ходящем на автохламе цирке-шапито «Калейдоскоп развлечений».

Бросив машину у входа в парк, Аз и Бу не спеша направились в сторону раскинувшего свои палаточные хоромы цирка.

– Ты посмотри-ка, – сопроводив свои слова толчковым действием в локоть Аза, Бу захотел, чтобы и товарищ разделил его удивление при виде одиноко празднующейся личности, стоящей напротив призывной вывески, предлагающей прямо тут, далеко не уходя, а зайдя в этот отдельно стоящий небольшой павильон, раскрыть вашу судьбу.

– И чего? – не видя в этом ничего такого сверхъестественного, Аз не понимает, что такого он, по мнению Бу, должен был усмотреть.

– Ну как же. Госпожа Судьба и в этот неурочный час не обходится без своих фаталистов, – для Бу эта праздношатающаяся личность, все не решающаяся войти внутрь, навстречу своей судьбе, видимо, и есть тот неведомый фаталист.

– А разве для судьбы существуют свои урочные и неурочные часы? – Аз удивил Бу, не ожидавшего от него такой цепкости слов.

– Ну ты меня подловил! – засмеялся Бу, подойдя к этой нерешительности, и дабы не было недопонимания насчёт очередности прохода внутрь, отодвигая того своей габаритностью тела, очень официально заявил: «Нас ждут». После чего (ведь они не в очереди в какой-нибудь собес, где за спросить можно и получить) им оставалось только лишь пройти вовнутрь. Но к удивлению Аза, натолкнувшегося на резко остановившегося Бу, тот изменяет свои намерения, и как будто что-то заметив в лице этого гражданина, повернулся к нему и, после внимательного изучения, расплывшись в улыбке, заявил:

– Я вижу, вам нужнее. Да к тому же вы ненадолго.

После чего Бу, используя замешательство этого новообращённого, лёгким напором поддвигает его к входу в палатку, и без всяких церемоний заталкивает туда.

– Ты это чего? – задался вопросом Аз, мимо которого не прошли странные манипуляции Бу с карманами этого лица, пока что без личности.

– Чего спешить то. Ведь мы туда всегда успеем, – бесстрастность высказываний Бу, не позволяет в чём-то его заподозрить.

– К тому же он, я уверен, скоро выйдет.

И стоило Бу это сказать, как этот гражданин, на чьём лице теперь не было видно отражения личности, показался у выхода. После чего он, определённо чем-то довольный, к удивлению не только Аза, но и Бу, подмигнул тому, и более твёрдо, чем до этого стоял на своих всё-таки слегка алкогольно-податливых ногах, направился в сторону выхода из парка.

– Дай человеку то, что ему надо, и результат не замедлит себя ждать, – Бу всё-таки раскрыл себя перед Азом, для которого теперь стали ясны эти манипуляции с карманами гражданина.

– А не кажется ли тебе, что это дешёвый ход? – уставившись на довольного Бу, Аз так и хочет согнать с него маску самодовольства.

– Я бы так, не сказал, – став мгновенно серьёзным, заявил в ответ Бу. – Думаешь, не слишком имущему, нужен только медный грош или, на худой конец, золотой? Ничего подобного. А у него в отличие от сознания имущего, зажатого рамками своей обогатительной страсти, диапазон нужд варьируется куда шире, и материальность в нём занимает далеко не первое место. И моя небольшая помощь, хоть и существенна, но всего лишь способствует, а не определяет ход его мысли. Когда как для этих, так называемых, ни в чём не нуждающихся, находящихся в жёстких тисках своей жадности, и пребывающих в тесном кругу своих единомышленников и телохранителей, для них, ужатых этой невозможностью, о чём-то другом подумать, всегда будет дешёвым трюком. И при всей легкости понимания их бытия, между тем, задача помощи им, практически неосуществима, ввиду вышесказанного дешёвого хода. Пока... – Тут Бу, задумавшись, замолчал, после чего заметив, что они так и стоят, загораживая вход в палатку, решил, что стоять у порога судьбы (на афише при входе значилось: «На пороге Судьбы»), негоже, и его нужно либо сразу переступить, либо же даже не подходить, так что раз они уже вступили, то значит, пора бы и преодолеть его.

– Что, опять клиентов у меня уводишь? – из темноты, способствующей ясновидению, и окружающей внутреннюю обстановку внутреннего помещения, где только стоящий посередине стол с находящимся на нём хрустальным шаром, неведомым способом дававшим свой искрящийся свет, немного освещавший всё это пространство, донёсся уже знакомый голос, обращённый к вошедшему вместе с Азом Бу.

– А ты мне как будто бы не подыграла, – смеющийся Бу, усевшись на стул перед столиком с шаром, не лезет за словом в карман, и бросает свой контраргумент находящейся по ту сторону шара, как значится на афише, хозяйке салона госпоже Судьбе. Которую Бу, из-за злобредности своего характера, запанибратски предпочитал называть сокращенно Су.

– Ну, а что я могла поделать, когда ты мой любимчик. Своего рода, мой баловень, – в свете шара, слышно, как посмеивается и видно, как разводит руками Су.

– Тогда почему я, ни Бэ, ни Мэ, а какой-то Бу? – Бу очень быстро переменчив.

– Ну вот, наверное, поэтому, – аргументы Су как всегда сногшибательны, и Бу очень даже не зря присел на стул. Так что можно предположить, что подобный разговор был не в новинку, и раз за разом заканчивался определённо слышимым хихиканьем госпожи Су и ответным бурчанием Бу.

– Ладно, давай к делу, – поерзав на месте и, видимо, настроив себя на серьёзный лад, Су со свойственной ей суровостью обрушилась на Бу:

– Ты мне, голубчик, лучше ответь. Почему ты опять занимаешься самовольством? И вместо того, чтобы, как я тебе сказала, действовать через клиентку, решил применить радикальные методы, и создать зигзаг судьбы поворота клиента.

– Да как мы можем?! Ведь наше дело маленькое, мы лишь можем, как только направлять. Когда твоё дело – предопределять, – ухмыльнулся Бу. – Да к тому же цель оправдывает средства.

От циничности слов Бу, Су чуть было не задохнулась.

– К тому же клиентка такая уж очень... замкнутая, – сбивчивость Бу ещё больше выводит Су, усмотревшую в действиях Бу некоторую его сердечную предвзятость, которую она, как особа особо ревнивая, допустить никак не может.

– Сдаётся мне, что ты, судьбоносец, желаешь мне сказать, что уже вырос из своей роли, и хочешь не располагать, а замысливать, – звук перетасовки карт не может не сопровождать такие заявления. И Су, как и все подобные ей натуры, любит всякие эффекты, и она даёт Азу и Бу послушать, как она ловко обращается с колодой.

– А кто же этого не хочет, – не может не дерзить в ответ Бу.

– Ладно уж, раз ты такой нетерпеливый, то я пойду тебе навстречу, и дам возможность, как ты там любишь говорить... ах, да, раздвинуть сковывающие всех вас и других вас, рамки судьбы, – данное заявление Су, судя по внешнему отражению Бу, было для него очень даже неожиданным. – Только не забывай главного, а именно того, что судьба это персонификация не только прав, но и ответственности.

– Ты меня опять недооцениваешь, – не в характере Бу было промолчать, и просто молча порадоваться, что, наверное, и есть заложенная в нём судьба, которая видя своё отражение в нём, вечно привечает Бу.

– Только не говори мне потом, что я мол, так думал, – Су не упустит момент, чтобы не прочитать нотации.

– Чтобы понять отличие общего от индивидуального, много думать не надо. Просто задай себе вопрос: «Кто несёт ответственность?» И по лесу рук сразу поймёшь, где тут общее, а где нет. А всякие там «я думал», это что-то вроде заявки на твою безответственность, где ты, думая как присоединиться к праву, отнёс прочь всякую на то ответственность.

– А я думал, ты не такая, – контраргумент Бу выбивает почву серьёзности из-под ног Су, которая, сбита с мысли этим однозначно дерзким не в тему выпадом Бу, тем не менее, испытывает желание слышать такие слова в свой адрес.

– Ты мне поговори ещё, – в свою очередь Су тоже не так проста, и умеет очень двусмысленно ответить.

– Ну, так что? Из твоих слов значит, что я могу... – поднявшись на ноги, Бу не успел договорить, как вставленное Су слово: «Можешь», закрыло все не проставленные буквы вместо

точек, и Бу, прихватив с собой удачу, которую Су не прочь посулить всяк сюда входящему, вместе с Азом выдвинулся на выход.

Глава 5

Без пяти дней неделя. Другие городские и телесные замечательности.

– Ну так что вы решили? – спрашивает мастер-набойщик у девушки, занявшей место в одном из кресел, где совершаются все эти кровавые тату-тайнства по преобразению вашего безмолвного тела из неискущённого в нечто иное сказуемое.

– Ещё немного посомневаться, – непосредственность девушки, а может её природная красота, не выводит из себя этого повидавшего всякие виды, и не имеющего на своём теле живого чистого места без видного тату рисунка, мастера-универсала с говорящим именем Злой. Который был бы не прочь с ней не просто поговорить, но также кое-что и поделать, но когда профессионализм берёт своё первое место, приходится подчиниться ему.

– Значит, я должен убедить вас? – откинувшись на стоящем рядом с ней стуле, улыбнулся в ответ Злой.

– Было бы не плохо, – девушка, улыбаясь, смотрит на этого мастера, который массивностью рисунков на теле внушает мысль о своей целеустремленности по жизни.

– Тогда закрой руками глаза, и представь себя в своей жизни, но уже с рисунком, – видимо работа с иглой вносит свои предопределения в характер мастера, который, как оказывается, тот ещё психолог. На что девушка, несмотря на то, что не раз была обманута хитрыми педиатрами, которые воспользовавшись этой её доверчивостью, незамедлительно ставили ей прививку, всё-таки учитывая тот факт что, в данном случае будет затруднительно её провести, решает для начала обезоружить мастера своей улыбкой, и уже после этого, приложив ладони к своим глазам, закрывает их.

– А он не такой уж и злой, – выходя из салона «Злое тату», Олеся, перекинув сумку через плечо, делится своими впечатлениями с подругой Лидой.

– И, наверное, твоя идея начать новую жизнь с того, чтобы изменить себя, мне определённо подходит, – ярко светящиеся глаза Олеси, уже по-иному смотрят на окружающий мир, и несколько в другом контексте видят место своей хозяйки в окружающем пространстве.

– А я что говорила? – Лида, несмотря на боль на лопатке, после болезненной процедуры по набитию татушки, не скрывая удовольствия, расплывается в улыбке.

– Ну и для полного комплекта, я думаю, не помешает заглянуть в парикмахерскую, – Олеся если заведётся, то её уже не остановить, и вот она начинает крутить головой в поисках этого, для полного комплекта, заведения. На что Лида, не такая слишком кардинально изменчивая натура, к тому же довольная своей прической, не слишком торопиться высказать своё воодушевление идеей, и следуя по тенистой аллее рядом с Олесей, не имеет ничего против того, чтобы посидеть на первой лавочке, и своим внешним видом посмущать проходящих мимо них потенциальных воздыхателей. Но в Олесе нет места для остановок, и она желает только двигаться, идти вперёд, или хотя бы сесть на тот же велосипед и, разогнавшись на нём, постараться обогнать ветер.

– Слушай Лид, может, прокатимся? – наткнувшись на прокат велосипедов, Олеся воспылала желанием покататься. На что Лида, с одной стороны, любящая быструю езду, конечно, была бы не прочь прокатиться, но с другой, вид этих прокатных велосипедов, не слишком внушал уважение и своим фоном мог заставить поблукнуть вид наездницы, что для девушки, находящейся в поиске, очень даже неуместно.

– Ну, я не знаю, – Лида решила переложить свои сомнения на плечи Олеси, которая, между тем уже залезла в свой кошелек, и делает необходимые для всего этого расчёты.

– Так давай возьмём, и на них поедem в парк, как собирались, – Олесина предприимчивость приносит свои положительные плоды, и Лида, тянувшая Олесю смотаться в парк, получает своё, тогда как Олеся – своё. И они, следуя нарисованным инструкциям, получив в своё распоряжение двухколесных друзей, с необходимым в данных случаях, сопровождающим все их действия смехом, усаживаются верхом на железных коней и, накручивая педали, звоня велозвонками, начинают обгонять таких сонных пешеходов.

Трудно сказать, скольких на своём пути неловких прохожих заставил встрепнуться, а иногда, и схватиться за сердце стрекот велозвонков Олеси и Лиды, чей привлекательный вид верхом на велосипедах, встревожил не меньшее количество носителей одиноких сердец. Но как бы там ни было, преодолев все эти встревоженности и препятствия на своем пути, наши велогонщицы оказались там, где им и хотелось быть, а именно, в парке культуры, рядом с входом в один из павильонов с призывной афишей «На пороге судьбы».

– Так ты сюда что ли, хотела зайти? – сойдя с велосипеда, Олеся, уставившись на афишу, спросила Лиду, которая также оставив велосипед, нерешительно смотрела на Олесю, и, обнаружив столь пристальное внимание к себе, с удивлением воззрившись на Лиду, спросила её: – Так, в чём дело? Иди.

– Давай пойдём вдвоём, а то мне одной страшновато, – Лида к удивлению Олеси проявляет несвойственную ей стеснительность.

– А велосипеды не упрут? – Олеся, сама любящая всякие такие таинственности, всё-таки не испытывает особого желания потом отыскивать разгадку таинственного исчезновения их велосипедов. На что Лида проявляет своё знание жизни, и, отыскав зевающего подростка, за небольшую благодарность оставляет его за сторожа, после чего они вместе заныряют в этот палаточный потусторонний мир, который, как и принято всеми служителями этой сферы жизни, связанными с потусторонним миром, встречает их своей загадочной темнотой.

– Вы разве не читали вывеску на входе? – неведомый голос несколько претенциозно встречает остановившихся у хрустального шара Лиду и Олесю, которые хоть и читали, но всё равно не слишком понимают, что они недопоняли.

– Хотя, впрочем, я по вам вижу, что двойственность во всём будет сопутствовать вам обоим, – голос из темноты несколько смягчился и, заметив, что вошедшие не слишком уютно себя чувствуют стоя на ногах, пригласил их сесть на имевшиеся стулья, которые только сейчас были увидены Лидой и Олесей.

– А у вас деньги-то есть? – стоило девушкам усестся, как такая вопросительность голоса дала почувствовать им не уютность своего положения.

– А сколько надо? – в свою очередь задалась вопросом Олеся.

– А сколько не жалко?

Такого ответа, надо честно сказать, Лида и Олеся не ожидали услышать, и несколько смущенно заерзали на месте, не зная, что ответить.

– Станный вопрос, – наконец-то нашлась и ответила Лида.

– Тем не менее, я получила на него свой ответ, – видимо странность вопросов и ответов хозяйки этого салона, входит в сценарий нагнетания таинственности.

– Ну, а для вас у меня ответ таков. Кто-то, потеряв, найдёт, а кто-то, найдя, потеряет. Кому-то, чтобы пропасть не нужна и про'пасть, а кому и про'пасть, не даст пропасть, – ожидаемо хозяйка салона начала своей бессмыслицей зубы заговаривать людям пришедшим к ней, в общем-то, не за этим, а за большей конкретикой.

– А теперь вот ты, – из сказанного хозяйкой салона трудно было понять, к кому она обращается и, наверное, каждая из присутствующих могла заподозрить, что это «ты», относится к ней. Что, наверное, было не далеко от истины, и вызвавшаяся чуть раньше Лида была призвана к столу. После чего она, склонившись над шаром, шепотом на ушко получила то, что не должно было касаться ничьих других ушей.

– Иди, – наглость хозяйки салона не знает границ – а как же ещё можно охарактеризовать такое её поведение, когда она щелчком по носу гонит Лиду прочь.

– Спасибо, я тоже, пожалуй, пойду, – Олеся, не желая получать по носу, предпочитает оставаться вне ведения этих нашептываний судьбы.

– Эх, всё ты спешишь и торопишься, – выдохнула хозяйка салона.

– Уж такая я, – не удержалась в ответ Олеся.

– Запомни одно, – внезапность появления хозяйки заведения практически рядом с ухом Олеси, заставило её оторопеть, и начать слушать поступавший к ней через шепот слог.

– Бойся ходить по мосту, ведь там всегда можно встретить зелёного Фантомаса.

После чего наступила затуманенная всякими словами и блуждающими здесь смыслами тишина. Где хозяйка заведения, вместе с отдуновением от уха Олеси, неожиданно для неё вдруг оказалась на своём прежнем месте, что снова ввело Олеся в заблуждение.

А не показалось ли ей всё это? Да, наверное, показалось. А иначе, что за бред про каких-то зеленых Фантомасов? Определив разумность вывода через неразумность таких фантомных предположений, Олеся успокоилась, и даже слегка рассмеялась за этот свой испуг, и услышав напоследок брошенную ей вслед фразу: «Так можно и пропасть», покинула чертоги заведения.

– Что это было? – выйдя на улицу, сразу с вопросом обратилась к Лиде Олеся.

– Да я сама не ожидала такого, – очень искренна в ответ Лида. – Сначала что-то там мне бормотала на ухо, а потом резко заявляет, вот тебе как резинка скажется, и щёлк.

Лида, вспомнив этот неловкий для её носа момент, даже нервно почесала его.

– А я и не сомневалась, что всё это очередная хренотень! – Олеся, выкинув из головы все эти таинственные бредни, которые только и служат для привлечения ваших денег, забравшись на свой велосипед, уже приготовилась было пришпорить его, как вездесущий телефон – потому что, везде с собой носимый, напомнил о себе, и своей отвлеченностью отложил поездку Олеси.

– Ну?! – от прежней веселой Олеси и следа не осталось, а вместо неё на сцену вышла сама нервность. – Я тебе уже сказала, что между нами пропасть, и если нет понимания, то никакие разговоры и слова больше не помогут! – выслушав первоочередность заявок абонента, Олеся начала так злиться.

– Я поеду вперёд, – видя такой накал страстей, Лида озвучивает своё желание и, получив понимающий кивок Олеси, отправляется в обратный путь.

– И что? Мы, кажется, обо всём уже переговорили. Хорошо. Я буду. Только учти, это последний между нами разговор, – закончив беседу, Олеся, немного трясущимися руками с трудом укладывает телефон в свою сумочку и, не дав себе времени успокоиться, садится на велосипед. После чего начинает слишком непредсказуемо для прохожих выкручивать транспортным средством, что в сочетании с немалой набранной скоростью, которая, по желанию Олеси, должна была остудить её горячую голову, невидящей препятствий и опасностей на своём пути, ещё больше способствует её кипению. Что, надо сказать, всегда чревато последствиями, которые и не заставляют себя долго ждать.

– Да пропади, оно пропадом! – не видя никого и ничего перед своими глазами, кипела от гнева Олеся, как вдруг резкий толчок от наезда на ухаб даёт о себе знать, и Олеся, окончательно потеряв контроль над собой и велосипедом, начинает за ухабистое падение, в котором не последнюю роль играют отчего-то не срабатывающие тормоза. Которые шутки ради, всего вероятнее, были перерезаны этим весёлым подростком, для которого плата за охрану не предполагала требования не портить имущество, взятое под его надзор.

– Да вы, я смотрю, не боитесь упасть, – всё-таки Олеся оказалась не такой безнадёжной, и на её пути оказался прохожий, который не побоялся за сохранность своего пиджака и брюк, в конечном счете, обтерших собой пыльную дорогу, и сумел-таки принять на себя весь удар падающей Олеси. Впрочем, ему деваться было некуда, и он, застигнутый врасплох истощенным Олесиным криком, сам потерялся, не зная, в какую сторону уносить ноги. И волей судьбы

унёс их под колеса Олесиного велосипеда, который и столкнул с себя девушку на прохожего, оказавшегося благодаря этому героем в глазах Олеси, которую ещё никто ни разу в жизни не спасал с падающего велосипеда. Что, конечно же, останется между нами, ведь во всех героических свершениях доля случая, зачастую играла свою первостепенную роль. И раз на вашу долю выпала столь героическая удача, то значит, это было предопределено свыше, и так тому и суждено быть.

– Угу, – только и сумела ответить, взволнованная случившимся, и такой близостью к этим глазам незнакомца Олеси, которая запутавшись не только в своих мыслях, но и в цепких руках незнакомца, против чего, она впрочем, ничего против не имела. Только вот разве можно, вот так сразу показывать свою желательную зависимость от крепкого плеча, и Олеси, как бы ей того не хотелось, проявляет уже свою независимость и, поднявшись на ноги, даёт возможность поднять, как свою голову, так и самого себя этому, ничего так на вид незнакомцу.

– Я, знаете ли, пожалуй, попробую, – поднявшись на ноги, наряду с отряхиванием себя от пыли, незнакомец проявил тягу к разговорчивости.

– Чего? – Олеси, в свою очередь приводя себя в порядок, пока что сподобилась только на короткие ответы.

– С вами познакомиться, – незнакомец внимательно посмотрел на Олеси, ожидая реакции на свои слова. – Я ведь никогда раньше таких как вы не встречал.

– Что-то не ново, – хмыкнула в ответ, уже пришедшая в себя и ободренная такой банальностью слов незнакомца Олеси.

– Я знаю. – На этот раз незнакомец не слишком болтлив.

– Ну, если мне будет скучно с вами, то можете даже не стараться ставить мне цепь, – Олеси, приподняв велосипед, и обнаружив это затруднение, проявляет свою находчивость.

– Проверяете мою целеустремленность? – незнакомец, хоть и улыбнулся, но всё-таки приступил к исправлению ситуации с велосипедной цепью.

– А почему бы и нет? – Олеси проявила любознательность, и оказалась слишком близко от головы незнакомца, почти на уровне его ушей, так что её ответ, дабы не травмировать его уши, прозвучал в пониженной тональности. Но незнакомец слишком увлечён пачканием своих рук об смазанную цепь, которая после определенных кругооборотных манипуляций, наконец-то, встаёт на место. И незнакомец, поднявшись на ноги, и сделав ещё один демонстративный оборот pedalю при поднятом заднем колесе, а также убедившись, что всё так, как и должно быть, хитро подмигнул Олесе. Которая, конечно же рада за незнакомца, и довольна тем, что ей помогли, но вот только на эти подмигивания с намёками, в которых явно видится самообольщение этого возмнившего о себе непонятно что типа, она не собирается отвечать, хоть ей это даже и приятно.

– Ну и чем можете ещё похвастаться? – дабы сбить спесь с этого самолюбовалы, Олеси включает свою вредность.

– Разве что тем, что я хвастаться не умею, – незнакомец, как показалось Олесе, горько усмехнулся и, достав платок, принялся вытирать перепачканные руки. И хотя Олесе хотелось делать и говорить совсем другое, в ней что-то завелось, и она, не имея возможности остановить эту свою противоречивость, так и лезла на рожон.

– Более убедительного хвастовства я не слышала, – из Олеси так лезла её язвительность.

– Ну ладно. Если случай даст нам второй шанс встретиться, то значит это судьба.

Незнакомец, видимо, специально как-то уж застенчиво улыбнулся, отчего у Олеси даже защемило в сердце из-за такой своей неблагодарности.

– И вы вот так быстро сдаётесь? – выстроенные рамки разговора не дают Олесе иного выхода, как продолжать разыгрывать из себя независимость с большой буквы.

– Ну то, что вы посмотрели на свои часы, это не только хороший знак, но и вселяет уверенность в завтрашнем дне, – как оказывается, незнакомец очень наблюдателен, и замечает за Олесей все её неуверенности и телодвижения.

– Ха-ха! (фу, до чего же противный смех). – Олеся натужно смеётся, и сама обалдевает от своего смеха.

– Я пока что вижу только вашу самоуверенность, – Олеся всё не может остановиться.

– Но если хотите увидеть мольбу в глазах, то вы знаете что делать, – незнакомец определённо откланивается, и оставляет Олеся одну, с велосипедом на руках.

– Да что же я за человек такой! – Олеся, хорошенько тряхнув велосипед, и не услышав ненужного ответа, повернулась в сторону удаляющегося незнакомца и, задумавшись над чем-то, немного понаблюдала за ним. После чего забралась на велосипед и, проверив сигнал звонка, который звонил что надо, не заметив никакой реакции на звонок того незнакомца, который, между прочим, ещё не так далеко ушёл, и мог бы хотя бы посмотреть в её сторону. Но раз он такой невосприимчивый гад, то она не станет его догонять, а направится туда, куда только она захочет.

– Вот ведь, паразит! Умеет же сбить с толку, – Олеся, неожиданно что-то вспомнив, вдруг переменила решение ехать, и слезла с велосипеда. Возможно на это её решение повлияло то, что она вспомнила про отсутствие тормозов, из чего можно было сделать вывод, что эти её паразитические слова относились к тому неизвестному сопляку, который обрезав тормоза, так лихо повеселился за её счёт. Правда, после того, как она залезла в сумочку и, достав телефон, с хитринкой в глазах взглянула на его экран, в той части, где высвечивалось время, это было уже не столь очевидно. И вполне возможно, что эта её высказанность относилась не к тому подростковому неизвестному лицу, а как раз к другому, одновременно неизвестному и известному лицу, заслуживающему от неё не меньшего. Ведь других часов-то у неё не было.

Глава 6

Без пяти дней неделя. Вечернее время предполагает собирать гостей.

– Заходи, чего встал? – охранник в воротах, следуя современному этикету, очень учтив с заглянувшими на огонек гостями, чей вид всегда предполагает понимание и ответственность охраны за его неблагоразумие.

– Иди за Герой, он тебя доведёт до места.

После того как охранник, похлопав по карманам Серого, извлёк оттуда все колюще-режущие инструменты (инструментарий нашёлся), и ограничил проход имеющегося у него в наличии огнестрельного оружия, Серый получил-таки своего провожатого, который, видимо, лучше, чем охранник на воротах ориентировался во всех ходах и выходах этого огромного замка, построенного в стиле отвалила 90-х. После чего для Серого настает своё время внимательности следования за широкими плечами Геры, который пыща всей своей грозной натурой и не удосуживаясь на различные разговорные отвлеченности, идёт к месту назначения. Которое своей мрачностью ещё больше сгущает сумерки, которые, следуя непреложному закону природы, уже начали сдвигаться над миром и над этим частным участком земли.

– Сюда, – краток Гера, остановившись у одной из многих дверей, которые ему пришлось преодолеть, дабы привести к месту Серого. Который, не ожидая от того крепких прощальных объятий, проходит в двери, ведущие в цепкие объятия взгляда хозяина этого кабинета.

– Чё, встал? – культура речи хозяина кабинета не даёт усомниться в том, что и охранную прислугу он набирает по образу и подобию своего представления об этом мире, где только одно право сильного не бездействует, и позволяет в максимально короткие сроки возбудить ваш интерес к спокойной жизни.

– Стул, видишь? – хозяин, несмотря на всю свою грубость в обращении к гостю, всё-таки определенно учтив и гостеприимен. Так что Серый, оценив эту внимательность к себе, не стал особо рыпаться и, следуя указанию, уселся на указанный взглядом стул, для удобства общения расположенный совсем рядом с рабочим столом владельца кабинета. Который, в свою первую очередь, пребывая в сознании собственной значительности, развалился в мягком кресле по другую сторону стола.

– Серый, ты любишь опаздывать? – риторичность заданного вопроса хозяином кабинета даже не поддается обсуждению. Так что Серому можно было и не отвечать на него, но природная вежливость, которая всегда отыскивается в уголках души всех посетителей этой комнаты, не позволяет Серому отмалчиваться, и он, дабы не прослыть невежей, не очень громко (ведь акустика в кабинете отличная, так что нечего горло драть) выговаривает, что не особенно.

– Ну, а если кто-то позволяет такую глупость по отношению к тебе? – хмурость взгляда и суровость голоса хозяина кабинета, не слишком располагают на ответную откровенность Серого, заставив того спонтанно бросить взгляд на свои часы. Которые, может быть, его смертельно подвели и, несмотря на свою противоударность и водонепроницаемость, однозначно не смогут противостоять напору, для начала ударностей, а следом погружению вместе со своим носителем в глубину какого-нибудь пруда, где даже и рыб-то нет, чтобы их ими кормили.

– Тогда он опаздывает по своей жизни, – всё же нашёлся, что сказать в ответ Серый.

– Что мне нравится в тебе Серый, так это то, что ты сразу улавливаешь суть разговора.

Ободрение хозяином кабинета Серого, тем не менее не снимает с повестки дня вопрос кормежки рыбы, и употребление слова улавливаешь, явно служит тонким намёком на перспективы Серого, который если не будет улавливать, то тогда сам же пойдёт в качестве кормежки.

– Так вот, – стальной тон в голосе обладателя кабинета магнитом притягивает уши Серого, ожидающего прояснения всех этих присказок. – Сегодня я впервые в жизни оказался на месте опоздавшего.

Скрежет зубов говорившего выдавал всю меру волнительности, которая переполняла его (Серый, зная привычку хозяина немного драматизировать события, для чего он, собственно, частенько и использует такие фразы, как «впервые», «только однажды», и тому подобные временные эпитеты, не слишком верит в его такую пунктуальность).

– И если в ряде случаев это было не столь существенно... – продолжил хозяин кабинета (Почему же? Серый вспомнил одного привезенного ими в багажнике за город долгожителя, чья жизнь зависела от возврата его долга, и от того, как долго хозяин кабинета, просивший без него не начинать, подъедет к ним туда), – То сегодня это задело меня.

Сказанное хозяином кабинета было настолько поразительным для самого заявителя, который только сейчас озвучив этот прискорбный факт, понял-таки, насколько это немыслимо и трагично для него.

– Я хочу, чтобы ты нашёл эту гниду, и... – придя в себя, хозяин кабинета вновь овладев голосом, и придвинувшись к столу, озвучил своё желание.

– А удавишь его ты. – Глядя на хозяина кабинета, Серый прочитал в его глазах недосказанное желание.

– Если надо, то найдём, – лёгкость сказанного Серым, несколько разрядила обстановку, и хозяин кабинета, вернувшись в своё положение придавливания спинки кресла, даже слегка улыбнулся.

– Я другого и не ожидал от тебя услышать, – удовлетворительно ответил хозяин кабинета, затем открыл ящик стола и, достав из него конверт, бросил его на стол ближе к Серому.

– Там найдёшь всё, что будет нужно, – владелец кабинета сопроводил свой бросок конверта этой словесной распечаткой. Ну а Серый, быстро уловив, что от него требуется, а также сам конверт, раскрыл его и, отделив зёрна в виде денежных купюр, от плевел, в виде всяких фотографий и аналитических записок, принялся к быстрому поверхностному изучению.

На что, впрочем, времени много не понадобилось. Казалось бы ничего нового, и ясность задачи была уже изначально определена этой купюрной заложностью, но вопросительный взгляд, брошенный на хозяина кабинета, всё-таки вынудил того прибегнуть к разъяснениям.

– Меня волнует только заводила. С остальными ты можешь поступить по своему усмотрению, – для хозяина кабинета кажется, что этих его слов будет достаточно, но физиономия Серого не настолько проясняется и, видимо, желает большего.

– Привезёшь предположительный объект ко мне, а там уж... – хозяин кабинета этим своим «Уж», одновременно предсказывает судьбу этого заводилы, и вместе с этим и с ним, ликвидирует последние возникшие непонятки у Серого.

– Теперь всё ясно, – сегодня Серый своей непонятливостью заставил хозяина кабинета немного посомневаться за его будущность и, вместе с тем, за будущность их взаимоотношений. И если бы сейчас ему было непонятно, то хозяину кабинета даже непонятно было бы, что с ним делать дальше.

– Ну ладно, с этим покончено (высказывания хозяина кабинета всегда звучат слишком мрачно для широко их трактующих, и ищущих в них свой скрытый подтекст лиц; и только натуры оптимистично настроенные, и не вникающие во всё сказанное, такие как Серый, не слишком отягощаются всем услышанным), – решил переменить тему разговора хозяин кабинета. – А ты как там? Подыскал себе третьего?

– Нашёл одного смышлённыша, – ухмыльнулся в ответ Серый.

– Это хорошо, – о чём-то очень нехорошо подумал хозяин кабинета.

– Пожалуй, присмотреть у меня есть кому, – размышлял вслух хозяин кабинета. – Ладно, посмотрим, как дело пойдет. А уж после этого, и так будет всё ясно.

Хозяин кабинета приподнялся со своего места, что означало: всему своё время, и засиживаться в гостях, как бы вас не упрасивали, не стоит, и пора уже проваливать. Ну а Серому, которому самому не приспичило напрашиваться на это, и даже без чаянья, не надо было что-либо объяснять. И он, засунув в карман конверт, отправился к дверям, через которые сюда вошёл.

Выйдя из двери, он попал в цепкую внимательность Геры, после чего был доведён до ворот особняка, а затем, перепоручен под опеку внешней охраны. Здесь Серый, вернув себе все взрослые игрушки, дабы не мозолить глаза охране, направился к собственному автомобилю. Сев в который, он включил радио, и под звуки чего-то там заунывно-забойного, принялся к более внимательному изучению конверта.

– Ну что ж, – отложив конверт на пассажирское сидение, Серый, закулив, попытался выразить своё отношение ко всему увиденному. Что, в общем-то, дальше этих слов не простиралось.

– Блин, а мне что-то совершенно не спится, – решил удивить себя Серый этим фактом своего бодрого состояния в семь часов вечера, когда очень редко кому спится. В чём явно виделся его скрытый умысел, убедить себя не откладывать дела на завтра, и, пойдя по горячим следам, не дать спать тому, кому хочется поспать. После этого достойного возгласа «Эврика!» откровения, Серый достаёт телефон, и начинает набирать тех, с кем он может разделить вечер.

– Дуб, ты ещё не спишь? – начинает удивлять набранных абонентов Серый, которые, если бы спали, то разве ответили бы на этот, такой парадоксальный вопрос, над разрешением которого бьётся столько философов от сна. Так что если тебе соизволили, возможно, даже сквозь сон ответить, то сильно не задавайся глупыми вопросами, где ещё не хватало услышать: «А я тебя не разбудил?» – что опять же, не только сводит с ума, но и выводит из себя каждого разбуженного, для которого твоё «извини» на пол не подстелешь. А ведь если ты решил разбудить, то это значит лишь то, что новость, сообщенная тобою, не предполагает дальнейшего сна, и что ты своим лицемерным «извини», пытаешься лишь заткнуть недовольный голос разбуженного, когда как сам собираешься будить и будить.

– Предположим, что нет. – Всё-таки Дуб уже не маленький ребенок, для которого, в общем-то, и это время слишком раннее, чтобы спать. Так что Дуб не испытывает на себе тяжесть возрастного давления, вызванного дремотой, и предполагает даже поговорить.

– Ну, тогда будь готов, я скоро за тобой подъеду, – рассеянность Серого всё-таки эпична, и он, узнав состояние стояния Дуба, но при этом, не узнав его местонахождение, берёт и отключает телефон.

– А где ему ещё быть? – этот аргумент, по общему разумению, не столь убедителен. Ну да ладно, и Серый, не заметив за собой никаких недоговоренностей, набирает Шкета, который, не будучи удостоен вопроса: «Ты не спишь?», сразу же ставится перед фактом, включающим его прибытие в назначенное место. Впрочем, кому-то очень сильно повезло, и когда Серый прибыл к Дубу, тот уже вместе со Шкетом находился в полной готовности у собственного подъезда. После чего компания в наличном составе оказывается внутри салона автомобиля, который, ведомый твёрдой рукой Серого, миновав то, что ему требовалось, дабы прибыть к месту назначения, доставил их к одной из стандартных многоэтажек города.

– Значит, Шкет, слушай меня внимательно. Седьмая квартира. Виктор. Заходишь, и убеждаешь его в том, что ему просто необходимо выйти и переговорить с нами.

Серый явно хочет всё спихнуть на Шкета, отправляя его одного в эту чертову квартиру, внутри которой, кто знает, что ещё его ждёт.

– А если он не захочет? – вопросительность Шкета удивляет не только Серого, но и Дуба, видимо, не встречавшего таких людей, которые не захотят.

– А язык у тебя на что? Убеди. – Серый даже не понимает, почему он должен объяснять такие элементарные вещи.

– А кулаки у тебя на что? Убеди. – У Дуба существует своя альтернативная версия, которую он пока не озвучивает, не понимая, почему он должен объяснять такие элементарные вещи.

– Уроды! – процедив про себя, и хлопнув дверью машины несколько сильнее, чем этого требует её закрытие, Шкет со всем своим пристрастием выразил необъективность по отношению к оставшимся в машине товарищам, которые, хоть и не красавцы, но всё же не такие уж и уроды.

– Я им чё? – горя от злобы, двигаясь по направлению нужной квартиры, причитал дорогой Шкет.

– Что-то он быстро, – заметив, что Шкет, спустя буквально пять минут, после того, как он скрылся в дверях подъезда, вновь появился на улице, прокомментировал это явление Серый. Но Шкет между тем не торопился присоединиться к своим товарищам, сидящим в автомобиле, и стоя у подъезда, как казалось, кого-то там выглядывал на дворовой площадке.

– Ну и кого он там высматривает? – непонимающе задался вопросом Серый.

– Наверное, этого Виктора. – Логичен Дуб.

– Если бы знать, как тот выглядит, то я соглашусь, – Серый слишком придирчив к Шкету.

– Ладно, пойдём вместе с ним посмотрим. – Серый решает, что лучше будет там, на месте узнать, чего это Шкет высматривает. Затем, они покидают автомобиль, и направляются к нему.

– Ну, и чего ты здесь стоишь? – Дуб умеет задавать нужные вопросы, чем он и занялся, подойдя к Шкету.

– Мне сказали, он собаку выгуливает. – Ответ Шкета на многое открыл глаза.

– Собак, я люблю. – Улыбнулся Дуб.

– А таких? – спросил Серый, спонтанно отступил назад на полшага, заметив, как довольно дородного мужчину тянет за собой ярость и мощь в одном пит-бультерьерском флаконе. На пути которого, не то что не задерживаются, а просто считают не нужным для своих, пока не драных штанов, останавливаться другие любители собак.

– Да тут сразу и не поймёшь, кто кому служит, – Шкет сегодня явно в ударе, поражая всех своими умозаключениями.

– Сука, заведут себе этих охранителей, а потом сами не знают, кого больше бояться – грабителей, или своего зубастого любимца, – видимо для Серого эта тема знакома, раз он так живо на неё реагирует.

– Хотя... – пришедшая на ум Серому догадка, заставила его ещё разок бросить очень внимательный взгляд на пса.

– Ну так что будем делать? – вопросительность Шкета, на этот раз очень даже к месту.

– Я думаю, верно говорят, что собака друг человека, – слова Серого не то что удивили Шкета и Дуба, а заставили их недоуменно перекинуться взглядами друг с другом.

– Как видно, сегодня разговор у нас не получится. Так что давайте отложим его до очень раннего завтра. – Эти слова Серого всеми воспринимаются как сигнал к действию, которое и приводит их обратно в салон машины.

– Шкет, во сколько эти собачники с утра выгуливают собак? – заняв своё место в салоне машины, Серый сразу же задал вопрос.

– Да, наверное, по-разному. – Не имевший даже кошки Шкет, откуда может знать о жизни домашних животных.

– Ну, раз по-разному, то тогда нас ждёт ранний подъем. – Подытожив результат поездки, Серый трогается в обратный путь.

Глава 7

Без четырех дней неделя. Один из отрезков пути

– При всей бесконечности количества возможностей воздействий, мы в своих действиях в основном прибегаем к двум главным путям: либо используем для направления вескую внешнюю ветреность, либо же притягиваем взгляды, правда, тоже ветреностью, но только блестящей. И если первый путь, с его лёгким дуновением, лишь поверхностно побуждает к действиям, то второй – более глубинный. Ведь внешний блеск не просто притягивает, а он, можно сказать, заставляет остановиться завидевших этот блеск-взгляд, и они, тут же обзавидовавшись, начинают подключать забившиеся учащенно сердца, которые замотивировавшись, включаются в своё определённое этим блеском движение. – Бу любит, вот так сидя за столиком в кафе, за чашкой чая, пускаться в различные пространственные рассуждения.

– Значит, твоя вчерашняя демонстрация блесков новизны перед лицами тех модниц, было своего рода втягиванием их в твои схемы действий? – сидящий напротив него Аз уже что-то подобное подозревал насчёт Бу, который вчера слишком демонстративно вертел перед носом двух гламурных красоток женской сумкой, которая каким-то неведомым способом оказалась у него в руках.

– Это что за... – только и успел спросить Аз, дождавшись Бу возле одного из кафе.

– Что, глаз не можешь отвести? – ухмыльнулся Бу в ответ.

– Да с какой стати? – удивился Аз.

– А вот они как раз и не могут, – Бу кивнул в сторону красоток, сидящих за столиком в кафе и, забыв про свои смартфоны, похлопывая ресницами и выпучив вожаденно губки, чуть ли не прокусывая их, и слизывая с них выделяющийся филлер, не могут оторваться взглядом от того, что в его руках. После чего Бу, явно с издевательскими целями ставит эту Виттон-сумочку на стол рядом с этими ледями, и, повертевшись на месте, (однозначно с целью потянуть время, для того чтобы вид недоступности сумочки не только отложился у них в памяти, но и впитался с кровью в души этих, не сводящих своего взгляда лядей), своими несусветными действиями по отношению к сумочке, начинает истязать неокрепшие души лядей,

не привыкших видеть такое обращение людей с их аксессуарами (человеческую скотину ещё мало пороли, раз отдельные её представители, так по хабальски ведут себя с вещами!).

Так Бу, держащий в одной руке какой-то сверток, второй рукой вновь берёт эту эксклюзивную сумочку, и зубами, вы слышите, зубами, отчего леди чуть не падают в обморок, начинает открывать застёжку сумочки.

«Глотку ему перегрызть, мало!», – так и читалось в глазах этих лядей. После чего Бу, сподобившись таким способом открывать этот женский аксессуар, начинает бесконечно жестоко сминать её, засовывая туда недостойный сверток, которому ясное дело, место на помойке, а не в недрах оскверненного этим изувером изящества.

– Блин, не лезет, – слова Бу вкупе с его жёсткими действиями с сумкой, выбивают последние основы понимания этого мира у красоток, считавших, что только красота спасёт мир. А теперь они, видя, как такая красота гибнет, и никто даже не пытается противодействовать этому осквернению, уже совершенно не понимают, куда катится этот грубый, некрасивый мир. Но Бу на этом не останавливается и он, опустив сумку на стул, начинает сверху чуть ли не коленом вминать в сумку этот уже распухший пакет.

Впрочем, кажется, стараниям этого изувера приходит конец, и пакет, втиснутый в свои сумочные рамки, воссоздал новое убожество распухшего аксессуара, который, между прочим, и создан был специально таким изящным и легковесным, лишь для того, чтобы только на него аппетитно смотрели, а не внутри изнаночно использовали. Но разве это дано понять всякому быдлу, которое непонятно каким образом заполучило в свои руки сию красоту. Подобное течение мысли, без труда читается на лицах этих красоток, которые своей безответностью поставили в безвыходное положение подошедшего к ним официанта, уже и не знающего, что им говорить, так как безмолвие, поселившееся за этим столиком, не слишком способствует его работе.

– Ладно, пятиминутка ненависти закончена. – Бу сообщает эту радостную новость уставшему от комедии Азу и, подмигнув сидящей рядом блондинистой красотке, которая от такой наглой неожиданности проглотила накопившиеся слюни, вместе с Азом отправляется в сторону эскалатора.

Красотки же, видимо, только после его ухода смогли прийти в себя, и как только этот изувер отвернулся, сразу синхронно схватились за смартфоны, и принялись оповещать всех своих близких и доверенных знакомых об этом несусветном происшествии.

– Ну так что насчёт заказа? – подвижки красоток, и их умение ещё как говорить, навели официанта на мысль, что они всё-таки не глухонемые, а значит, могут его определить. Вот только официант не учел того, что помимо простых слов необходимых для межличностного общения, они имеют в запасе слова посылательного значения, которые, при их образе жизни, и соответствующем ему характере, обладают куда большим применением.

– Слиял отсюда, тля! – официанту повезло, что красотки были слишком заняты вопросами информирования, и потому он ещё должен быть благодарен им за столь небольшую эпичность сказанного блондинистой красоткой, без перехода на тяжеловесность, которая очень часто подвергает сомнению мужское я. После чего эта тля исчезает из поля их зрения, и красотки, не обеспокоенные больше никем, кроме самих себя, ещё некоторое время тревожат души тех, кому они считают нужным растеребить раны, и уже когда первый эмоциональный всплеск проходит, они обмениваются друг с другом внимательными взглядами, в которых ясно читается одна простая мысль: Пока до сумочек не дотянулась рука того изверга, они должны пойти на определённые жертвы, и купить, если не всё, то по крайней мере, наиболее видные экземпляры.

После чего каждая из них, увидев в глазах подруги поддержку, которая никогда не помешает, обретает уверенность в своих действиях. Ведь она знает, что её жертва, как всегда будет недооценена тем, кто по странному стечению обстоятельств, носит при себе её кошелёк, и даже

считается её содержателем. И хотя для того чтобы кого-то убедить в чём-то, всё же необходим личный контакт, нетерпение берёт своё, и каждая из них, для того чтобы хотя бы выпустить пар, набирает номер своего жадного наказания.

– Ну, а сегодня, я смотрю, ты собираешься разыграть старую схему? – Аз, заметив в пакете Бу знакомый аксессуар, не может удержаться, и не указать тому на его не оригинальность.

– Ну, ты и скажешь, – Бу, как кажется Азу, искренне удивлен, и с беспокойством лезет в пакет, из которого на свет появляется та вчерашняя женская сумка.

– И что, по-твоему, тут укладывается в старую схему? – суровый взгляд вынуждает Аза оставаться серьезным, когда как он подспудно чувствует, что Бу, как и он, хочет рассмеяться.

– А что тут в ней нового? – Аз принимает правила игры, и решает узнать все тонкости этой ручной работы.

– Ты меня просто сразил, – Бу с поверженным видом откидывается на спинку стула, и с прискорбием смотрит на этого, чудо что за человека Аза. После чего неожиданно для Аза, с сопровождающим скрипом ножек стула об постеленный ламинат, сдвигается к соседнему столу, и со всей своей бесцеремонностью, правда с мольбой в глазах, обращается к сидящей в одиночестве девушке:

– Вы не поверите, а мой товарищ не видит никакой разницы между сериями A0 и SE. На а для неё такой подъезд незнакомца хоть и был в диковинку, но если бы Аз был повнимательней, то он бы заметил, что эта девушка, как только Бу достал сумку, с большим любопытством взидала на аксессуар, и всего вероятней, была не против посмотреть на него с ещё более близкого расстояния. И конечно, ей бы надо было что-нибудь сказать в ответ, но сумка так близка к ней, и так призывно пахнет кожей, что девушка не выдерживает наплыва своих чувств, начиная потихоньку пощипывать эту кожаную поверхность, с которой на неё смотрит чудный вензель.

– Да вот, здесь сбоку, есть кармашек. Не стесняйтесь, и откройте его, – Аз, как и эта девушка, даже не заметили, как Бу, придвинувшись вплотную к девушке, начал руководить всеми её действиями по экскурсионному маршруту, следующим по всем недоступным только глазу местам этого аксессуара, заглянуть в который без рук было бы затруднительно.

– А вот и код, – уже руки Бу приводят её глаза к выбитому коду страны изготовителя на «штучках» от ручки этой сумки.

– «АА». Ну, не мне вам говорить, чьей страны это код, – откинувшись на спинку стула, Бу с явным удовольствием воззрился на продолжающую трогать сумку девушку.

– Могу уступить, и совсем недорого, – Бу вновь удивляет как Аза, так и девицу, чуть ли не дернувшуюся от неожиданности сказанного. – К тому же я не шучу. —Добавляет Бу.

Заметив недоумение в глазах девушки, Бу протянул свою руку к сумке и, к отчаянию девицы, забрав сумку, положил её к себе на колени.

– И за сколько вы бы мне её уступили? – наконец-то собравшись, и вылепив из себя образ бесстрастности, девушка устремила свой взгляд на Бу.

– А сколько вам не жалко? – ответ Бу, несмотря на всю свою видимую несерьезность, тем не менее звучит серьёзно, и по странной, неведомой для области чувств обставленности сказанного, которая скорее всего, может быть определена только интуицией, не вызывает у девушки иных чувств, кроме как серьёзности. Ну, а когда девушка становится на путь серьёзности, то от неё можно ожидать всякого, в том числе и натужного смеха, которым она пытается прикрыть своё отношение ко всему этому.

– Мы меня разыгрываете? – рассмеялась в ответ эта девушка.

– Ну, как хотите, – Бу, к ужасу девицы встаёт, затем возвращает свой стул на прежнее место. После чего что-то шепчет своему товарищу, который тоже поднимается с места и, перекинув сумку через плечо, собирается было последовать за другом, но, заметив обращённый на него взгляд девушки, останавливается, и после небольшого раздумья, подходит к ней.

– В три дня уложите? – нагнувшись к самому уху девушки, прошептал Бу.

– Да, – как замороженная ответила она.

– И запомните. Сколько не жалко, – продолжает шептать Бу.

– Да. – Как мантру повторяет девушка.

– Только не перепутайте. И будьте очень аккуратны с использованием этимологии этого слова, – эхом отдаются его слова в её ушах.

– Да. – Следует её ответ.

– Ты это с кем тут разговариваешь? – обращённый к ней вопрос подошедшего со спины, не просто элегантно, а с определённым изыском одетого незнакомца, видимо, питающего страсть ко всяким побрякушкам на пальцах, с которых на вас, отстранив всех своих соседей в тень, посматривает очень большой рубин, определённо выводит девушку из транса. И она без сомнения сильно взволнованная, вскакивает на ноги и начинает озираться по сторонам в поисках кого-то неизвестного.

– Ты кого там потеряла? – всё ухмыляется этот элегантный незнакомец.

– Не знаю, Макс, – девушка, остановившись на месте с очень задумчивым видом, уставилась на скривившегося в усмешке, такого всего модного Макса.

– И не говори. С утра одни загадки. – Макс усевшись за стол, дабы время не терять, сразу принялся за изучение меню. – Сам жрёт, а меня кормит одними загадками, сколько не жалко. – В нос пробубнил Макс.

– Что ты сказал? – испуганно спросила девушка.

– Они думают, что мы, однажды вложившись в них, так сказать, выгодно поместив наши капиталовложения, теперь будем всю жизнь безотчётно слушать, как они будут нам капать на голову, – запивает эти слова минеральной водой Леонтий, строгий во всём, в том числе и в своей внешности. Где его пробор на голове однозначно вызывает к вашей упорядоченности и порядочности, каковая подразумевает не смеяться над скудными попытками носителя этих остатков волосяного покрова, прикрыть вызывающую к небесам и солнцу свою лучезарную плешь.

– На твою плешь, – не знающий порядочных слов, но имеющий уважение к стальным кулакам охранника Леонтия Гере, Макс смиренно поддакивает, но в тоже время, про себя кроя того по чём свет.

– А ты, чего не ешь? – заметив, что Макс не слишком сильно налегает на заказанное, Леонтий, сам любящий хорошо закусить, видит в этом какую-то скрытую причину.

– Ну, вы ведь меня не поесть позвали? – Макс хоть и не прочь чего-нибудь перекусить, но видимо память у Леонтия совсем отшибло, и он забыл, что прежде чем предлагать кому-то чего-нибудь отведать, было бы неплохо предусмотреть на гостя сервировку стола.

– Ну, одно другому не мешает, – Леонтий, закинув в себя предположительно чего-то очень вкусного, с видимым уже наслаждением начал довольствоваться своим обедом.

– Так ты, сука, приборы организуй, тогда и я порадуюсь за себя, – ответная улыбка Макса просто непередаваема всем своим нагромождением эмоциональности.

– Ладно уж, не буду тебя больше смущать. – Видимо, Леонтий, решив, что его гость уже должным образом настроен, (будь голоден – вот призыв, которому следует Леонтий), наконец-то, соизволил перейти к делу.

– Тут у меня произошло небольшое затруднение с одной небезызвестной тебе особой. – Леонтий, проговорив это первое предложение, очень внимательно посмотрел на Макса, пытаясь по его виду определить, насколько всё-таки известна эта особа Макс. Но не подаваемость его вида успокоила Леонтия, и он, дабы не мешкать, продолжает начатое.

– Так вот, увещевать резону больше нет, и остаётся только один выход – чтобы, теперь она увещевала меня, – жёсткость сказанного Леонтием, холодком пробежалось по телу Макса, знающего не понаслышке, что скрывается за всеми этими увещеваниями.

– Вот тебе, – достав приготовленный пакет, и положив его сбоку на стол, определённо ближе к себе, Леонтий таким демонстративным образом ждёт реакции на это: «вот тебе». На что Макс, только и остаётся, как ждать информативной части поручения.

– Будешь действовать по старой схеме, – Леонтий, что-то там обдумывая, похлопал пальцами по конверту.

– Ну, и всё его содержимое будет твоей платой за эту маленькую услугу, – Леонтий, наконец-то, немного пододвинул конверт в сторону Макса, который, заметив разрешение в глазах Леонтия, взял конверт и, не удержавшись от соблазна любопытства, сразу же спросил:

– А сколько здесь? – чем мгновенно заставил Леонтия бросить на него суровый взгляд.

– Не знаю, – первые слова не просто удивили Макса, а в некотором роде даже испугали.

– Ведь всё относительно. Как для меня, то тут столько, сколько мне не жалко, а для кого-то другого, и этого будет жалко. Так что разве можно точно ответить на этот вопрос? Нет, только приблизительно. Будем считать, что там, около, до округления того.

Продолжение речи Леонтия немного успокоило Макса, знавшего его слабость ко всякого рода мудрствованиям, которые и привели того к посещениям какой-то там школы йога-хрентени.

– Ну так всё-таки, может чего-нибудь куснёшь на дорожку? – последнее высказывание Леонтия, явно служит для информативной цели, говорящей о том, что разговор на этом окончен, и Макс пора бы валить отсюда.

– Нет, спасибо, – что и требовалось услышать от приподнявшегося с места Макса.

– Ну тогда, Гера, проводи гостя, – Леонтий даёт команду незримо присутствующему телохранителю Гере, и тот без лишних слов выводит Макса из этого присутственного места.

– Урод! – сплёвывая на асфальт всю горечь от этой встречи, Макс все-таки не смог сдержать свою эмоциональность.

– Ну что, как он там? – спросил вернувшегося Геру Леонтий.

– Плюётся, – немногословен Гера.

– Значит, всё-таки проголодался, – ржёт в ответ Леонтий.

Глава 8

Без трех дней неделя. Встречные скоротечности.

– Олеся, у меня есть к тебе просьба, – Максим Эдуардович, управляющий торгового дома «K&K», под началом которого работает в том числе и Олеся, старшая по смене, слишком сладкоречив, из чего можно догадаться, что на отказ от этой просьбы она права не имеет.

– Видишь ли тут такое дело, меня сейчас вызвали в головной офис компании на совещание, а моей супруге, вдруг ни с того ни с сего срочно понадобились деньги. Ну, и я позволил себе вольность, сказав ей, чтобы она заехала к нам сюда, и что я ей передам через тебя конверт с деньгами. Ты как, не откажешь мне?

Максим Эдуардович не сводит своего взгляда с Олеси, которая, зная прилипчивость своего начальника, совершенно не хочет иметь с ним никаких отношений, но утренний инцидент с её временным отсутствием на рабочем месте, не дает возможности отказать.

А всему причиной был не выходящий из её головы незнакомец из парка, назначивший таким хитрым способом ей свидание, которое совершенно не учитывало её рабочую занятость.

И вообще, с чего это он взял, что она заинтересована в нём? Но чем больше думала Олеся об этом наглеце, тем нестерпимей ей хотелось явиться на место встречи и, посмотрев в глаза этой однозначно самоуверенной скотине, заявить, что он слишком много о себе думает, и она

пришла лишь потому, что не может оставить без ответа его поведение, и не высказать осуждающих его слов. И тогда уж посмотрим, что он мне ответит на это. Представляя, как незнакомец понуро повесит голову, или нет, как он там сказал, с мольбою в глазах посмотрит на неё, Олеся, довольная собой валялась в кровати, и всё не могла уснуть. После чего она вообразила себе, как она проявит чуткость и, так уж и быть, простит этого лапулю... Ну а дальше сон, сморив Олеся, плавно перевел её мечтательность под свои сени и, используя её бесконтрольность сознания, а также свою сладкую власть, пустил её во все такие тяжкие фантазии, которые чуть было не стали причиной просыпа на работу.

– Вот, блин! – Благодаря звонку будильника, вся растрепанная Олеся с трудом не проспала, а вовремя подскочила с кровати. После чего она начала живо собираться на работу. Правда, она ненадолго задержалась у зеркала, пытаясь понять, есть ли какая-то связь между её таким сладким, с элементами безумия сном, и этим растрёпом на голове.

– Что же делать? – уже спеша на работу, очень ловко перепрыгивая через появившиеся лужицы после небольшого дождя, Олеся размышляла над тем, каким образом ей вырваться с работы хотя бы на полчаса.

– Лид, мне нужно на пол часика отлучиться. Ты если что, подстрахуешь меня, – когда уже время нещадно приблизилось к отметке незамедлительного принятия решения, Олеся, не видя иной благоприятной возможности для того чтобы улизнуть с работы, в несколько заведённом настрое решает положиться на Лиду, работающую на кассе в торговом зале, которая если что позвонит ей, и сообщит что не так. После чего Олеся, определённо на взводе, как-то уж заметно дёргано быстро переодевается у себя в кабинете и, стараясь никому не попасться на глаза, через задний вход покидает здание.

Дальше, скорее всего, следует дорога или путь от места её работы до того места, где предположительно должна была состояться встреча. Хотя, если спросить саму Олеся, каким образом она преодолела весь этот не слишком короткий путь, то она, скорее всего, не ответила бы нам, да и себе самой, на этот одновременно простой и сложный вопрос. А что ещё сказать, и как ответить, если она в пылу своей разгоряченности утеряла всю последовательность своих передвижений от точки «А» к точке конечного назначения. И только оказавшись на том самом месте, где должен быть, и был тот незнакомец, Олеся, заметив его улыбку, обращенную к ней, с ходу выпалила:

– Вот я и пришла, – затем, чуть отдышавшись, и не дав времени незнакомцу сообразить, что ответить, несколько повышенным тоном заявляет:

– А теперь твоя очередь, – после чего развернувшись, поспешно отправляется в обратный путь, который, как и первый отрезок дороги, стал таким же незабываемым для неё, (а разве можно забыть то, чего не помнишь? Вот то-то тоже).

Правда, надо честно признаться, что Олеся, следуя в обратном направлении, на уровне подсознания ощущала, что она не одинока в своём стремлении успеть, и что незнакомец не такой остопоп, чтобы непонимающе взирать на её, исчезающую вдали спину, и однозначно не мог оставаться ловить мух, не последовав за ней. И даже в один из моментов, когда этот незнакомец, слишком засмотрелся на неё, боясь упустить из виду, – он это сделал не в очень удачный для себя момент и, не заметив неровность дороги, споткнувшись, уткнулся носом в земляной массив, – то Олеся, каким-то третьим чувством определила это, и в тот же момент сама приостановилась, дабы выкинуть залетевший в её туфлю камешек. Когда все эти помехи были ликвидированы, Олеся устремила дальше, а незнакомец, выплюнув залетевшую землю изо рта, почёсывая нос, принялся играть в догонялки.

– Ты где была? – появление Макса Эдуардовича в торговом зале в тот момент, когда Олеся отсутствовала, ещё раз подтвердило существование закона подлости, в котором на этот раз сыграл свою существенную роль её управляющий. Неделями не видишь его на рабочем месте, а стоит тебе только отлучиться на минутку, то он тут как тут.

– Я? – Олеся сделала непонимающий вид, но заметив за спиной у Макса Эдуардовича разводящую руками Лиду, начинает понимать, что, пожалуй, ей не отвертеться, ну как минимум от штрафа. После чего следует уже непонимание самого Макса Эдуардовича, которому совершенно невдомек, за что он им такие большие деньги платит, и почему они, несмотря на всю его заботу о них, ведут себя по отношению к нему, как последние неблагодарные твари, которые будь их воля, давно бы его разорили.

– Это первое, и последнее предупреждение. Не считая штрафных санкций, – резюмировав, принял решение Макс Эдуардович.

– Я даже не поняла, откуда он появился. – Лида пытается оправдаться перед Олесей, которая сейчас находится в каком-то не осознании окружающего, и не видит никого вокруг кроме себя. Ну а это «кроме» видно очень хорошо, стоит только заглянуть себе в душу. Но так как это редко кому позволительно без спросу делать, то Олесина безмятежность не слишком понятна для Лиды, которая не знает, что по этому поводу и думать. Но для Олеси все эти рабочие помехи идут мимо, и нисколько не трогают её душу, когда она знает, и даже видит через окна магазина, бродящую вокруг него узнаваемую фигуру незнакомца, который всё-таки не затерялся, и добрёл сюда следом за ней.

– Ну, как? Ты мне не откажешь? – в словах Максима Эдуардовича прослеживается явный намек на утренний Олесин проступок.

– Почему бы и нет, – Олеся в свою очередь даёт положительный ответ.

– Вот и хорошо. А чтобы тебе это было не слишком затруднительно, то включу в список твоих помощниц Лиду. А то мало ли ты куда, по делу отлучишься, – Максим Эдуардович не упустит случая поиздеваться. После чего он достает пухлый пакет из кармана, и вручает его почему-то не Олесе, а сидящей за кассой Лиде, из чего для Олеси становится ясным, почему этот разговор Максим Эдуардович решил завести именно здесь. Но Максим Эдуардович занятой человек, и ему не до объяснений. Так что он, бросив на Олесю уничижительный взгляд, дабы больше время за зря не терять, выдохнул, и отправился в зал, чтобы там своим бдительным оком наводить порядок.

– Он и тебя записал в ряды ответственных, – ухмыльнулась Олеся, присоединившись к Лиде.

– Сволочь! – поглядывая на конверт, задумалась о чём-то Лида.

– Смотри-ка, твой воздыхатель пришёл. – Олеся не дала Лиде времени на долгое раздумье, и обратила её внимание на зашедшего в магазин шуплого очкарика, который, заметив препятствие в виде Олеси, не сразу направился по направлению к Лиде, а сделал реверанс в сторону аптеки.

– Вот туда ему в самый раз, – заметив этого, по словам Олеси, воздыхателя, Лида снисходительно усмехнулась. – Неужели за тем, о чём я подумала? – рассмеялась Олеся.

– За мазью от прыщей, – замахнулась на Олесю линейкой, почему-то покрасневшая Лида.

– А я-то думала, – Олеся, покачив головой, и оставив Лиду наедине со своими обязанностями, отправилась вглубь магазина. Чтобы там, спрятавшись за каким-нибудь из стеллажей, понаблюдать за терзанием того ходунка на улице, который так и не может прийти к решению, как же дальше поступить. Но, пока он оббивает порог магазина, не осмеливаясь на решительный шаг, Олеся, воспользовавшись своим служебным положением, взяла с полки бутылку газировки и, присовокупив её к взятой тут же шоколадкой, начала с удовольствием поглощать эту безумную калорийность и, определённо довольная собой, поглядывать на все эти уже метания незнакомца.

– Я побегала. Теперь твоя очередь, – закинув в рот дольку шоколада, Олеся просто издевается над чувствами незнакомца, который уже весь испарился под палящим солнцем, но так и не решается зайти в магазин, хотя бы для того чтобы купить себе минералки.

Но вот, кажется, он решился, и даже приоткрыл входную дверь. Но разве его действия останутся без внимания этой зловредной Олеси, которая с видом серьезности показалась у кассы. При виде Олеси незнакомец как будто наталкивается на невидимую стену и, не имея возможности преодолеть её, резко поворачивает, чтобы вновь оказаться на уличном пекле.

– Пусть подышит кислородом, ему это полезно, – бросив всевидящий взгляд на этого несчастного, Олеся сама себе удивляется, как ей всё это нравится. После чего, она, с видом большой занятости, берёт какие-то продукты, и боковым зрением, где зримо присутствует тот обливающийся потом незнакомец, вновь исчезает внутри пространства между стеллажами. А ведь Олеся, не будь она так уверена в том, что незнакомец не отстанет от неё, наверняка не стала бы так его мучить загруженностью своей работой, то показываясь, то исчезая опять. При этом она поняла, что его нерешительность, это скорее не нерешительность, а в определённой степени проявление эгоцентризма. И уж сегодня он, несмотря на всё своё желание, точно не осмелится войти, тем самым раскрыв свою заинтересованность в ней. Так что ей надо в полной мере воспользоваться моментом, и помучить это ходячее самолюбие. Чем Олеся, со всем своим замиранием сердца, и занялась.

Между тем уход Олеси от Лиды, надо сказать, не остался незамеченным не только незнакомцем на улице, но и тем шуплым носителем очков. И он, поделав заинтересованный вид у витрины аптеки, выждав для приличия нужное время, выдвинулся к кассе, за которой сидела вдруг зазевавшаяся Лида.

– И чего явился? – не успел носитель очков приблизиться, как Лида тут же осадила его своей избирательностью.

– Да я в аптеку. Ну, и заодно, с тобой поздороваться, – очкарик, остановившись напротив Лиды, принялся заискивающе улыбаться.

– Гематоген закончился что ли? – засмеялась Лида.

– Тебе бы только посмеяться. А меня между прочим, сегодня утром чуть собака не разорвала.

Очкарик несколько обидчиво показывает Лиде руку выше локтя, на которой отчетливо виден разрыв кожи с запекшейся кровью.

– Фу, ты! Не показывай мне такие страсти, – Лида бесцеремонно закрывается руками и отворачивает лицо от очкарика.

– Не буду, не буду, – очкарик испуганно смотрит на Лиду, которая, немного успокоившись, вновь обретя самоуверенность, бросает на него хитрый взгляд, и заявляет: – Так она хоть не бешеная, эта твоя собака?

– Блин! А я и не знаю, – очкарик, видимо, и не задумывался о перспективах такой смерти, и только сейчас осознав это, немного побледнел.

– И чего ты тогда здесь стоишь? – Лида сурово посмотрела на очкарика.

– А что? – очкарик непонимающе посмотрел на Лиду, которая решила не останавливаться, и по полной проехаться над этим своим воздыхателем, уже доставшим её своей навязчивостью. И понятно было, если бы он имел основательные предложения и сопутствующие им подарки, а вот так, своими двоими погулять на свидании, он чё, дуру нашёл что ли! Нет уж, пусть теперь помучается и побегаёт из-за своих несвоевременных предложений, ставящих её в неловкое положение. В прошлом веке на свидание ходили пешком, а не сейчас, когда есть иномарки. И спрашивается, а зачем тогда их придумали? И жить прошлым, значит быть не своевременным. Вот как-то так. Ну а то, что у тебя нет приличной машины, то это всего лишь значит, что ты не готов к серьёзным отношениям. Так что иди, и подрасти до степени, хотя бы «Опеля».

– Чего заладил? Двигай давай, уколы ставить в живот. А то мне тут ещё бешеных не хватало. – Лида, глядя на побелевшего от такой перспективы очкарика, издевательски засмеялась.

– Чего вы тут? – появление Олеси у кассы, не дало возможности ответить очкарику, который, не испытывая желания слушать, как Лидка при посторонних начнёт над ним потешаться, быстро ретируется в сторону выхода из магазина. Олесе же, в общем-то, не слишком интересно было, чего они тут обхохатываются, когда у неё есть свой объект наблюдения. Так что она, так, между прочим, задалась этим вопросом, пойдя к кассе. Но рабочее время, тоже между прочим требует к себе внимания, и даже особого внимания. Так что, как бы ты не хотел отвлекаться, оно через твою ответственность, (конечно, в зависимости от меры присутствия этого ингредиента в тебе), прижмёт тебя, и заставит не сильно рассеиваться на то, что не касается дела. А вот что к нему относится, то тебе не мешало бы быть более внимательным, иначе зоркие взоры контролирующих органов не оставят это без внимания, и наложат на тебя штрафные санкции.

И если для Лиды этот день еле плёлся, минута к минуте, то для Олеси, несмотря на не слишком большую выдержку незнакомца, который, побродив ещё немного, всё-таки не дождал себя, и покинул обозримое поле боя, на которое он, без сомнения, планировал вернуться. Смена тем временем пролетела незаметно, и когда они со сменой уже приготовились избавиться от своей форменной одежды, лишь тогда Олеся вспомнила о сегодняшней просьбе управляющего.

– Лида, а за конвертом не приезжали? – спохватившись, Олеся обратилась к Лиде, всё ещё находившейся на своём рабочем месте.

– Да, нет. Никого не было, – видимо, Лида и сама забыла про конверт, раз только после слов Олеси в её глазах загорелся огонек озабоченности.

– А может быть, она приезжала, а ты не заметила? – Олеся пытается проанализировать все возможности развития событий.

– Может быть... – безалаберность сквозящая в ответе Лиды, заставляет Олеся крепко задуматься над таким развитием ситуации, где безответственность Лиды тоже надо брать в расчёт.

– Ладно. Давай пакет, – после небольшого раздумья, Олеся, приняв решение, озвучивает его, и, протянув руку к Лиде, подвигая ту к поисковым действиям, которые после непродолжительных суетливых движений, выявляют на свет пакет, и вручают Олесе.

– Пойду, в сейф положу. – Вопросительный взгляд Лиды ждал от Олеси ответа, и не получил его.

Глава 9

Без трех дней неделя. Вечерний звон

– Мюллер проверяет своих сотрудников на профпригодность. Вызывает первого:

– Назовите любое двузначное число.

– Тридцать два.

– А может, двадцать три?

– Может быть.

Мюллер пишет у себя в журнале – ненадёжен. Вызывает следующего.

– Назовите любое двузначное число.

– Тридцать четыре.

– А может быть, сорок три?

– Нет, тридцать четыре.

– Вы подумайте.

– Подумал. Тридцать четыре.

Мюллер пишет – надёжен, на провокации не поддаётся. Вызывает третьего.

– Назовите любое двузначное число.

– Тридцать три.

– А может, три... А, это вы Штирлиц? Идите, не мешайте работать.

33-ий, поглядывая сверху на вытянувшиеся лица слушателей, захлебывается от смеха, и пива, которое он, не подумавши, хлебнул в самом конце рассказа.

– Борода! – выдвинул контраргумент уже не очень крепко сидящий на четырех ножках стула, напротив 33-го, сильно удрученный количеством выпитого, 32-ой.

– Да ну, прикольно, – ржет, сидящий рядом с ними за столом 34-ый.

– Вот только сдаётся мне, что ты в своих целях подтасовал цифры, – проявляет проницательность 34-ый.

– Да и меня этот вопрос чрезвычайно взволновал, – заявил 32-ой.

Ну, а если 32-ой начал использовать в своём лексиконе различные необычные слова, то знающие его люди могут очень ответственно заявить, что для 32-го наступило время «Ч», которое очень редко обходится без происшествий.

– Почему эта сука, Мюллер, прикопался только к 32-ому? – в стеклянных, ничего не видящих глазах 32-го, читался приговор нацистскому преступнику Мюллеру, которому, если прежде даже и удалось избежать возмездия за свои преступления, то сейчас, обретая в качестве личного врага 32-го, у которого имелся к нему свой пункт для предъявления, он, можно сказать, подошёл к своей последней черте. И теперь, все его попытки спрятаться становятся уже бессмысленными и бесполезными, так как 32-ой, такой уж человеческий тип, который будет рыть носом землю, пока его не найдёт, и не воздаст ему по заслугам. И, видимо, 32-ой, не желая откладывать в долгий ящик свои притязания к этой нацистской морде, сделал ещё один воодушевляющий глоток и тут же начал рыть носом землю. Ну а вернее, углубился носом прямо в стол, в свои затаённые от врагов мысли.

– А я, что говорил! Ненадёжен. – Ставит точку 33-ий.

Всё-таки у 33-го, как и у поддержавшего его своим смехом 34-го, не слишком высокие моральные принципы, а уж о товарищеском плече, и вовсе говорить не приходится, раз они вместо того, чтобы подставить его своему ослабевшему товарищу, дали тому со всей своей дури расквасить собственный нос об совершенно не чистый стол, на котором, кроме пива, присутствовали остатки рыбы, чьи окостенелости вполне могли бы выколоть ему глаз. А то, что глаза их товарища остекленели, это всего лишь отговорка, говорящая о вашей обледевшей душе.

Но что толку обращаться к тому, кто не желает слышать, а вот говорить, очень даже желает, не замечая того, что все его слушатели не только не слушают, но и сами в это же время пытаются что-то там со всей убежденностью доказать самому говорящему. Ну, а такие диалоги очень нередки, и сплошь и рядом возникают в тех местах, где пиво льётся рекой, заставляя вас в совокупности ослабить свой языковой и слуховой контроль. Тогда как зазывная музыка, предполагая вашу отвлеченность от мирских забот на время танца, даёт свою относительно временную передышку.

Ну, а когда в этом месте собираются люди, которые по специфике своей работы, по большей части, находятся в дискриминированном положении только лишь слушателя, которому если даже и есть что сказать, то не для этого он был заказан, так что сиди, мурло, и слушай, как пассажиры, находящиеся в приподнятом состоянии духа, не только плюют тебе на коврики и в душу, но и, стряхивая пепел сигарет куда не попадая (но только не в пепельницу), дают тебе жизненные советы, как не быть таким чмом. То вот тут-то эта их невысказанность за время своей работы и выплескивается на собеседников, которые, по большому счёту, желают того же, что в конечном итоге, несмотря на присутствующую общность, приводит к взаимному непониманию, которое, как и всегда, переходит на личности.

Ну, а переходить на личности приходится постоянно, даже несмотря на то, что все собравшиеся, в основном, знают друг друга по присвоенному им в диспетчерской службе парка

числовому коду, который, по большому счету, частенько заменяет им личные имена при общении друг с другом.

«45-ому достался тот клёвый междугородный заказ» – гораздо понятнее и более информировано звучит для коллеги по работе, чем, если бы ты ему сказал, что какой-то Лёха, которых в службе такси как собак не резанных, перехватил тот клёвый заказ. А так, оцифровал Лёху, и всё тебе стало ясно. К тому же жизнь в движении и постоянная занятость, редко дают возможность познакомиться со всеми своими коллегами, так что нет ничего удивительного в том, что данная рабочая специфичность отношений в коллективе была привнесена с собой на коллективные собрания.

– Поговорим? – 27-ой вместе с 16-ым подошли к 7-ому, который сегодня как-то особенно подавлен, и совершенно на себя не похож. Что, конечно, звучит очень странно в стенах этих заведений, которые, по своей смысловой направленности, так сказать, только и служат тому, чтобы каждый зашедший сюда не был на себя похож в обычном виде. И если посетитель вдруг как-то замудрил, и остался в прежнем виде, то это, конечно же, недосмотр управляющего заведения, непонятно, какого чёрта, впускающего вовнутрь всяких там трезвенников и язвенников, которые всем своим видом только и способствуют нервозности обстановки. Которая только накаляется при виде этих постных рож, не только способствующих пониманию, но и служащих неммым укором тем, кто пожелал сегодня отставить за дверью кабака всю свою приличность, а здесь – наличность. И во всю ивановскую, на сколько хватит здоровья собираясь сегодня почудить. Ну, а присутствие здесь этой постной рожи, не оставляет ему иного выхода, как озлобиться на весь мир и, приняв значительно больше лишнего, оголтело почудить против этой рожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.